

наго значенія. Описанный случай доказалъ мнѣ, что при моихъ лошадяхъ и вещахъ нѣтъ болѣе человѣка, на котораго можно положиться.

*

4 декабря.

Пройдя около получаса, мы дошли до небольшого городка Молодечна, только что оставленнаго Наполеономъ съ его гвардіею. Изъ этой гордой войсковой части не болѣе 1500 чел. осталось въ строю; за ними слѣдовало около 500 отставшихъ, которыхъ я встрѣчалъ за послѣдніе два дня по дорогѣ, большими и малыми отдѣленіями. Даже по своей наружности старая гвардія, не сдѣлавшая за всю кампанію ни одного выстрѣла и, за небольшими исключеніями, почти всегда правильно получавшая продовольствіе, раздѣляла участь всей остальной арміи. Изъ большого разнообразія встрѣченныхъ мною среди гвардіи костюмовъ, отмѣчу здѣсь только одежду одного гренадера, шедшаго около получаса впереди меня. На его шинели, прокопченной и прожженной у бивуачныхъ огней, у него было подвязано на правомъ плечѣ, въ видѣ гусарскаго ментика, обмундированіе французскаго генерала, его шея и подбородокъ были подвязаны драгоцѣнною, судя по наружному виду, шалью (вѣроятно добыча изъ Москвы), покрывавшею отчасти также и его лѣвое плечо и спину, къ тому-же онъ еще и замѣнилъ свою медвѣжью шапку генеральскою треуголкой съ позументами. Впрочемъ, этотъ солдатъ имѣлъ положенное снаряженіе и вооруженіе.

Холодъ съ каждымъ часомъ усиливался и навѣрно достигъ 20⁰ ниже нуля по Реомюру. Только немногіе сидѣли еще верхомъ, я тоже шель пѣшкомъ и въ не особенно радостномъ настроеніи, однако, слѣдующій случай разсмѣшилъ меня и развеселилъ даже всю ту массу людей, которые въ столь грустномъ настроеніи духа шли по виленской дорогѣ. Надъ нами летѣла стая дикихъ гусей, что соблазнило нѣкоторыхъ открыть по нимъ огонь; одинъ изъ гусей, въ котораго пошла пуля, спустился на лугу невдалекѣ и лѣвѣе дороги. Это послужило сигналомъ для нѣсколькихъ сотъ человѣкъ броситься бѣжать въ направленіи, гдѣ опустился гусь, при громкихъ крикахъ и смѣхѣ оставшихся, причемъ одинъ старался предупредить другого; счастье выпало на одного изъ тѣхъ офицеровъ, которые ѣхали рядомъ со мною: онъ вскочилъ на лошадь, обогналъ всѣхъ и захватилъ гуся благодаря тому, что упалъ съ лошади одновременно съ гусемъ, который спустился на землю. Такимъ образомъ, онъ не только взялъ призъ въ этой скачкѣ, но послѣ этого поймалъ также и свою лошадь, убѣжавшую на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ. Этотъ случай былъ по истинѣ комиченъ; комизмъ его увеличился еще борьбой съ гусемъ и торо-

пливостью офицера, старавшагося поймать убѣжавшую лошадь. Онъ вернулся торжествующимъ, а это имѣло естественнымъ послѣдствіемъ цѣлый рядъ довольно нескромныхъ остротъ со стороны французовъ.

Многіе хотѣли увидѣть не только гуся, но и побѣдителя его, и изъ возвращающейся толпы французовъ, бѣжавшихъ за гусемъ, слышались голоса: „N'est ce pas, l'Allemand est le grand héros de la journée?“ послѣ чего ему отвѣчалъ другой голосъ: „Qui! ce fripon était Allemand? etc.“, ¹⁾ при чемъ мы, нѣмцы, зная любезность французовъ, сдѣлали видъ, какъ будто не слышали этого. Я же подумалъ, что бы они сказали, если бы увидѣли побѣдителя безъ плаща (онъ былъ немного горбатый).

Когда начало темнѣть и по нашему расчету скоро должно было наступить время для ночлега старой гвардіи, мы опять заняли сарай—конюшню въ небольшой деревнѣ, не обращая вниманія на протесты нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ, расположившихся по квартирамъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Мы нашли солому и фуражъ, а за деньги достали кое-какое продовольствіе отъ французскихъ солдатъ, предложившихъ намъ купить ихъ

*

5 декабря.

Мы продолжали нашъ путь до городка Сморгони и, несмотря на то, что здѣсь была главная квартира съ множествомъ маршаловъ и со старой гвардіей, намъ все же посчастливилось найти въ сторонѣ отъ дороги сарай, довольно значительныхъ размѣровъ, раздѣленный гумномъ, находящимся по серединѣ, на 2 равныя части, изъ коихъ одна была не занята.

Не взирая на протесты четырехъ офицеровъ французской гвардіи, расположившихся въ другой половинѣ сарая, я, съ моимъ конвоемъ изъ 20 человекъ, и съ моими лошадьми вторгся въ этотъ сарай, при чемъ успѣшно противостоялъ требованіямъ подошедшаго штабъ офицера французской гвардіи, желавшаго лишить насъ этой квартиры. Послѣдній, въ концѣ концовъ, ограничился просьбою обращаться осторожно съ разведеннымъ нами огнемъ, что обѣщаль также соблюдать и самъ. Вслѣдствіе этого, штабъ офицеръ еще разъ вернулся къ намъ поздно вечеромъ и остался около 1/2 часа у моего костра; онъ сообщилъ мнѣ, что, по официальнымъ извѣстіямъ, Наполеонъ (какъ онъ говорилъ, на нѣкоторое время), оста-

¹⁾ „Не нѣмецъ ли оказался героемъ этого дня?“ — „Да этотъ каналья.... былъ нѣмецъ“, и т. д.

виль армію и сдалъ командованіе ея Мюрату и что въ Вильнѣ мы найдемъ новую армію и въ изобиліи жизненные припасы ¹⁾.

При всевозрастающемъ холодѣ мы прошли 6 часовъ пути и спѣшили занять отдѣльно стоящую конюшню, гдѣ нашли еще немного соломы. Сарай этотъ только что передъ нами былъ оставленъ тренёрами французской гвардіи, которые надѣялись до наступленія вечера дойти до небольшого города Ошмяны. Мы видѣли пожаръ нѣсколькихъ деревень, лежащихъ у дороги; причиною пожара были зажженные по близости ихъ бивуачные огни; проходяще мимо пользовались пожарищемъ чтобы согрѣться. Я не могъ отказать просьбѣ двухъ моихъ солдатъ, находившихся у лошадей, которые пожелали также погрѣться у пожарища. Какъ я уже раньше замѣтилъ, — это были люди не надежные и настолько забитые, что думали только о настоящемъ, не обращая вниманія на будущее. Когда я хотѣлъ продолжать нашъ путь, они мнѣ сказали, что твердо рѣшили ожидать прибытія русскихъ.

Всѣ мои увѣщеванія остались тщетными; не помогло даже напоминаніе о томъ, что вернувшіеся крестьяне навѣрно ихъ убьютъ около своихъ горящихъ домовъ; тогда я прибѣгъ къ силѣ, дабы заставить ихъ продолжать со мною путь. Теперь оба они мнѣ очень благодарны, что я такими мѣрами (единственно могущими сохранить ихъ жизнь), заставилъ ихъ исполнять свой долгъ.

Если бы было возможно примѣнить силу, то, вѣроятно, много солдатъ были бы сохранены для арміи, такъ какъ большинство ихъ и даже многіе офицеры, погибли болѣе по причинѣ упадка духа и деморализаціи, чѣмъ благодаря голоду, лишеніямъ и холоду (хотя и

---

¹⁾ Окончивъ въ Сморгони приготовленія къ отъѣзду, Наполеонъ собралъ генераловъ: Мюрата, Евгенія, Бертье, Нея, Даву, Лефевра, Мортье и Бессьера на военный совѣтъ, объявилъ имъ, что онъ оставляетъ армію и отправляется въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо, передалъ командованіе арміею Мюрату и выѣхалъ въ обыкновенномъ своемъ экипажѣ, за которымъ слѣдовали сани, въ 7 час. вечера. У него въ экипажѣ сидѣлъ Коленкуръ, на козлахъ мамелюкъ и капитанъ Васовичъ, офицеръ польскихъ уланъ, который долженъ былъ служить ему толмачемъ. Въ саняхъ ѣхали Дюрокъ и Мутонъ (графъ Лобаскій). Наполеонъ путешествовалъ подъ псевдонимомъ герцога Вицендскаго (Коленкуръ). Эскортъ его состоялъ изъ незначительнаго отряда неаполитанской конницы. Еще до пріѣзда Наполеона въ Ошмяны, туда проникъ боковой дорогою русскій партизанъ полковникъ Сеславинъ, съ кавалерію и орудіями, но былъ вытѣсненъ изъ Ошмянъ французскою пѣхотою, которая уже раньше заняла этотъ городъ (это была дивизія Лоазана, высланная изъ Вильны на встрѣчу арміи и расположившаяся здѣсь). Понытно, Наполеонъ могъ бы попасть въ руки атому партизану, если бы онъ зналъ, что Наполеонъ пройдетъ черезъ этотъ городъ. Въ Медичкахъ ожидалъ Наполеона герцогъ Бассано (Марэ), прибывшій изъ Вильны, который пересѣлъ въ экипажъ къ Наполеону, предоставивъ свой Коленкуру. Наполеонъ кружнымъ путемъ объѣхалъ Вильну и остановился съ Марэ въ предмѣстьи Ковны. Изъ Волковиска (Wilkowisky) онъ ѣхалъ въ саняхъ, которыя далъ ему польскій шляхтичъ Вибискій. Онъ 16 прибылъ въ Варшаву, 17 въ Дрезденъ и 19 декабря въ Парижъ. 29-й бюллетень вышелъ 17 декабря.

Примѣч. автора.

эти силы составили страшный союзъ для гибели арміи). Многие, даже самые сильные люди, не могли внушить себѣ увѣренность въ томъ, что еще есть какая нибудь возможность добраться до Нѣмана, и даже и не мечтали больше о возвращеніи въ Германію. Постоянная мысль о невозможности увидеть вновь свои семьи и перспектива погибнуть въ страшной нуждѣ самымъ жалкимъ и позорнымъ образомъ, преслѣдовали какъ страшный кошмаръ тѣхъ людей, которые съ радостью пошли бы на смерть на полѣ сраженія. Эта деморализація, граничащая съ отчаяніемъ, сдѣлалась настолько общимъ явленіемъ, что мнѣ пришлось напрочь всю силу воли, чтобы не сдѣлаться жертвою этихъ печальныхъ картинъ будущаго и не поддаться всеобщей деморализаціи.

Вѣра въ Бога и въ мое счастье поддержали меня и оберегали отъ той апатіи, во время которой все происходящее вокругъ кажется безразличнымъ и которая не позволяетъ мужественно встрѣтить опасности и нужду. Ежедневная забота объ устройствѣ бивуака, старанія достать для себя и для товарищей съѣстные припасы, обезпеченность лошадьми и медвѣжьими шкурами для защиты отъ холода, тщательный уходъ за моею обувью и, наконецъ, стремленіе остановиться на ночлегъ по близости войскъ, сохранившихъ порядокъ, и вмѣстѣ съ ними выступить на слѣдующій день - все это въ значительной степени способствовало тому, что мнѣ пришлось избѣжать всеобщей гибели. Многие дѣлали большую ошибку, располагаясь съ ногами слишкомъ близко къ бивуачному огню, чѣмъ весьма скоро совершенно испортили свою обувь, а потому отморозили свои ноги и не могли идти дальше; въ этомъ случаѣ не могли имъ помочь даже и лошади, такъ какъ сидѣть верхомъ при холодѣ въ 24 градуса было невозможно. Я носилъ съ собою на веревочкѣ пару шерстяныхъ верхнихъ башмаковъ, а въ верхнемъ карманѣ вторую пару шерстяныхъ чулокъ, которыя я одѣвалъ на ноги, располагаясь на бивуакѣ, положивъ снятые мною сапоги подъ голову.

*

7 декабря.

Послѣ весьма продолжительнаго марша, мы отошли на $1\frac{1}{4}$ часа отъ дороги и расположились въ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ къ намъ присоединились еще и 12 чел. старой гвардіи. Мы приняли ихъ тѣмъ охотнѣе, что сообщая съ ними могли задерживать значительныя казачьи части, угрожавшія намъ благодаря удаленію нашему отъ дороги. Новые товарищи подчинились моимъ распоряженіямъ, такъ что мы этотъ дворъ заняли согласно военнымъ правиламъ, отклоняя отъ себя всѣхъ одиночныхъ военныхъ и отставшихъ и говоря имъ, что этотъ дворъ занятъ генераломъ француз-

ской гвардіи. Послѣдняя мѣра оказалась очень полезною, ибо между получившими отказъ былъ также и одинъ адъютантъ, который потребовалъ отъ насъ немедленнаго очищенія мѣста для одного генерала и его свиты, что, по всей вѣроятности, была лишь хитрость, т. к. генераль вовсе и не появился. Мы нашли кормъ для нашихъ лошадей и кое-какое продовольствіе, которое мы честно раздѣлили между нами. Во время нашего общаго ужина, состоявшаго изъ мучной похлебки, сваренной въ кастрюлѣ однимъ изъ гвардейцевъ, которую мнѣ подаль унтеръ-офицеръ на отдѣльно стоящій столикъ, онъ мнѣ описалъ послѣдніе часы одного армейскаго офицера. Изъ его разказа слѣдующее заслуживаетъ вниманія, не только по своей оригинальности, но и потому, что въ немногихъ словахъ хорошо характеризуетъ ту степень общаго несчастья, въ которой находилась вся наша армія. Французскій армейскій солдатъ принялъ офицера за мертваго и приступилъ къ снятію съ него одежды, для прикрытія ея собственной наготы; тогда офицеръ, собравъ всѣ свои силы, едва слышно говоритъ ему: „Camarade, je ne suis pas encore mort!“¹⁾ что заставляетъ солдата почти-тельно стать рядомъ нимъ и отвѣтить: „Eh bien, mon officier! j'attendrai encore quelques instants!“²⁾

Какъ бы остроумно не звучалъ этотъ отвѣтъ (особенно, когда это рассказываютъ у себя, дома), я все же считалъ болѣе правильнымъ не говорить о немъ въ то время, когда мы были еще такъ далеко отъ Нѣмана, нѣсколькимъ офицерамъ, которымъ этотъ рассказъ послужилъ бы подтвержденіемъ ихъ взгляда, что нѣтъ никакой возможности достигнуть даже и этой рѣки, которую они не могли все же считать предѣломъ своихъ страданій. Замѣчательно, что по этому разказу армейскій солдатъ соблюдаетъ въ отношеніи офицера правила дисциплины. Сколько умирающихъ офицеровъ, бывшихъ въ такомъ положеніи, были раздѣваемы, не смотря на ихъ протесты! Тотъ, кто поступаетъ столь безсердечно, всегда можетъ оправдаться тѣмъ, что одежда не нужна умирающему. Я даже слышалъ такіа разсужденія, что, снимая съ умирающаго одежду, сокращаютъ его мученія, а потому, этимъ дѣлается для него благодѣяніе. Куда только не приводитъ при такихъ обстоятельствахъ инстинктъ самосохраненія огрубѣвшаго до крайности человѣка? Только что переданный мною рассказъ подтвердили мнѣ своимъ честнымъ словомъ не только унтеръ-офицеръ, но и нѣсколько другихъ гвардейцевъ.

Со времени нашего перехода черезъ Березину преслѣдующіе насъ казаки, какъ казалось, руководствовались правиломъ (съ этого времени я не слыхалъ объ арьергардныхъ бояхъ съ русскими

¹⁾ „Товарищъ, я еще не умеръ!“

²⁾ „Хорошо, офицеръ, я подожду еще нѣсколько минутъ!“

линейными войсками), раздѣвать всѣхъ плѣнныхъ и отпускать ихъ затѣмъ на свободу; этимъ они освобождали себя отъ труда по ихъ продовольствованію и конвоированію, и навсегда выводили ихъ изъ строя.

*

8 декабря.

Проведя 9 часовъ въ дорогѣ, мы, Вестфальцы, въ полной темнотѣ (гвардейцы отдѣлились отъ насъ, чтобы присоединиться вновь къ своему корпусу) въ первый разъ не нашли для себя ночного пріюта. Болѣе часу мы простояли въ одной деревнѣ, всѣ строенія которой уже были заняты; наконецъ, одинъ изъ высланныхъ мною квартиреровъ, лейтенантъ Бикъ, сообщилъ, что ему удалось найти вдали отъ всѣхъ строеній довольно большой свиной хлѣвъ, гдѣ онъ самъ расположился съ однимъ изъ своихъ людей, чтобы удержать его для насъ; посланный сообщилъ, что его спѣшно направили къ намъ, чтобы мы шли возможно скорѣе туда, что мы и исполнили. Этотъ кровъ сохранилъ жизнь большей части моихъ спутниковъ; я самъ, будучи въ состояніи, благодаря моей теплой одеждѣ и моимъ медвѣжьимъ шкурамъ, гораздо лучше переносить холодъ чѣмъ они, проведя эту ночь подъ открытымъ небомъ, навѣрно поплатился бы за это отмороженными оконечностями.

Сухія дрова, найденныя нами у хлѣва, а также и корыта, дали намъ возможность развести костры, какъ въ самомъ хлѣву, такъ и внѣ его. Ночью огонь поддерживался солдатами по очереди.

Въ одномъ дворѣ деревни мы нашли много сѣна и соломы, а также и вымолоченное пшено для лошадей, но занявшіе этотъ дворъ французы только послѣ долгихъ споровъ, въ которыхъ за насъ заступились и другіе французы, бывшіе въ одинаковомъ съ нами положеніи, уступили намъ часть этихъ припасовъ, при чемъ едва не произошло кровопролитіе.

*

9 декабря.

Въ 7 часовъ мы ушли изъ нашего хлѣва и около 10 часовъ были уже въ четверти часа хода отъ Вильны; здѣсь мы нашли офицера 6 полка, который получилъ приказаніе всѣ остатки 8 корпуса направить на францисканскій монастырь въ городѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городскихъ воротъ, въ предмѣстьѣ, насъ встрѣтили 2 офицера 4-го полка, которые сообщили мнѣ, что они находятся подъ начальствомъ Вреде, что 4 полкъ стоялъ вмѣстѣ съ баварцами, подъ начальствомъ Удино, на Зап. Двинѣ, участвовалъ

съ ними въ отступленіи, но затѣмъ (въ то время, когда Удино направился къ Березинѣ), вмѣстѣ съ дивизіей Вреде, прошелъ вправо, на Вильну. Они, вмѣстѣ съ баварцами, насчитывали только около 1000 чел. и заняли позицію, чтобы прикрыть городъ, въ которомъ имъ предстоитъ получить продовольствіе, накопленное тамъ во многихъ магазинахъ¹⁾.

Уже въ предмѣстьи была сильная давка, которая увеличивалась у городскихъ воротъ до такой степени, что, когда я счастливо прошелъ ихъ, то около меня остались только лейтенантъ Бикъ и мои люди, которые, какъ и я самъ, съѣли верхомъ еще не доходя воротъ. Въ тѣсной толпѣ людей я съ радостью узналъ моего Ивана; онъ шелъ пѣшкомъ и былъ почти совсѣмъ раздѣтъ: на немъ остались только рубашка и штаны, онъ завернулся отъ головы до ногъ въ шерстяное одѣяло. Онъ разказалъ, какъ онъ очутился въ такомъ положеніи прошедшею ночью, когда онъ слишкомъ далеко уклонился отъ дороги; его схватили казаки и, взявъ у него лошадь и багажъ, заперли его въ сарай, откуда онъ нашелъ возможность убѣжать. Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ наткнулся на лежавшее на землѣ одѣяло, и эта счастливая случайность спасла его жизнь.

Когда я въ городѣ справлялся о мѣстоположеніи францисканскаго монастыря, я, къ счастью, встрѣтилъ полковника Бернера, который сообщилъ мнѣ, что онъ, съ Жюно и его свитою, собирается покинуть городъ и что даже Мюрата уже нѣтъ въ городѣ²⁾. Всѣ,

¹⁾ Незадолго до начала войны 4 полкъ перешелъ въ Шведскую Померанію; послѣ, когда 8 корпусъ уже дошелъ до Днѣпра, полкъ послѣдовалъ за нимъ и въ сентябрѣ прибылъ въ Вильну. Здѣсь ему дана была задача идти на подкрѣпленіе 6 корпуса къ Полоцку, у Зап. Двины.

Этотъ корпусъ раньше былъ подъ командою С. Сира, но, послѣ пораненія Удино, имъ командовалъ Вреде, т. к. С. Сиръ (послѣ производства въ маршалы) замѣстилъ Удино во 2-мъ корпусѣ и принялъ общее командованіе надъ обоими корпусами.

Событія, разыгравшіяся въ группѣ С. Сира, до ея соединенія съ 9 корпусомъ (29 октября, на берегу р. Лукомли) и до вступленія здѣсь въ командованіе 3 корпусомъ Виктора, какъ старшаго маршала, когда поправившійся отъ раны Удино замѣстилъ раненнаго С. Сира въ командованіи 2 корпусомъ, уже извѣстны читателю, равно, что Удино и, вскорѣ послѣ этого Викторъ, выступили къ Березинѣ, тогда какъ Вреде черезъ Глубокое пошелъ на Вильну, для прикрытія этого важнаго для великой арміи, отступающей за Нѣманъ, пункта. Во время этого отступленія, гдѣ сначала вступилъ въ бой 4 полкъ, Вреде лестно говорить о немъ въ приказаніи, отданномъ въ Литвѣ, и выражаетъ свое удовольствіе по поводу доблестнаго отбитія полкомъ нѣсколькихъ непріятельскихъ атакъ 8 декабря; онъ говорилъ, что почтеть долгомъ доложить императору о доблестномъ повеленіи двухъ штабъ офицеровъ полка: Готье и фонъ Барделебена (См. Вестфальскій Мониторъ, 22 января 1813 г. № 22).

Подполковникъ Готье командовалъ въ кампаніи 1812 г. полкомъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни полковника Росси; въ 1813 г. онъ получилъ въ командованіе вестфальскій легкой баталіонъ. Подполковникъ фонъ Барделебенъ ушелъ въ отставку генераль-маіоромъ тессенской службы.

Оба эти офицера по окончаніи похода 1812 г. были награждены французскими и вестфальскими орденами.

Примѣч. автора.

²⁾ Мюрата въ это время былъ въ предмѣстьи Коханово, откуда выѣхалъ въ 4 часа утра.

какъ вооруженные, такъ и безоружные, неудержимо отступаютъ на Ковну, пытаясь добраться здѣсь до р. Нѣмана; Мюратъ въ Вильнѣ нашель слишкомъ мало войскъ, сохранившихъ порядокъ, а потому не нашель возможнымъ долше держаться тамъ; даже войсковыя части въ Вильнѣ настолько перемѣшались съ бѣглецами изъ Москвы, что нельзя было набрать ни одной вполне надежной и сомкнутой части. Изъ старой гвардіи къ Мюрату собралось не болѣе 1000 чел. Вреде съ 1000 чел. сражается въ 1 часъ разстоянія отъ города, дабы удержать его хотя на эту ночь въ нашихъ рукахъ. Наконецъ, нѣсколько войсковыхъ частей, бывшихъ въ Вильнѣ подъ командою Нея, составятъ нашъ аррьергардъ.

Послѣ этихъ печальныхъ извѣстій, я охотно составилъ бы компанію Бернару, который очень этого хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ увѣрялъ меня, что оба капитана Пазоръ и всѣ другіе офицеры, которые ѣхали со мною и которымъ онъ сообщилъ эти извѣстія, тотчасъ-же покинули городъ; однако, мнѣ недоставало пропитанія, какъ для себя, такъ и для сопровождавшихъ меня и для лошадей; поэтому я рѣшилъ искать для себя убѣжища хотя бы на нѣсколько часовъ. Это рѣшеніе было для насъ счастливымъ, ибо, только что я оставилъ Бернера, какъ встрѣтилъ хорошо одѣтаго городского обывателя котораго я спросилъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, а затѣмъ по французски и по нѣмецки, не знаетъ ли онъ какой либо квартиры (или гостиницы). Къ великой моей радости, спрошенный отвѣтилъ мнѣ по нѣмецки, что у него самого есть домъ, правда, довольно удаленный отъ города, что онъ охотно приметъ меня, но что бы я за это оградилъ его отъ грабежей. Это было все, чего я только могъ желать въ моемъ положеніи. Мы сейчасъ же пришли къ соглашенію, и я скоро очутился въ уютной комнатѣ за обѣдомъ, приготовленнымъ по нѣмецки, и за бутылкою медка. Предварительно я перемѣнилъ бѣлье и сбрилъ у парикмахера мою длинную бороду, которую я никакъ не могъ уберечь отъ ледяныхъ сосулекъ. Я не могу описать, какимъ счастливымъ я себя чувствовалъ! Мой хозяинъ былъ курляндецъ, занимавшій болѣе или менѣе значительное мѣсто въ лѣсномъ вѣдомствѣ и былъ женатъ на коренной русской, знавшей только ея собственный языкъ. Я очень жалѣю, что потерялъ записку, на которой онъ написалъ свою фамилію, имѣвшую нѣсколько слоговъ; но самымъ для меня печальнымъ было послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого прощаніе. Не мало труда мнѣ стоило вновь вырваться изъ столь долгое время бывшихъ для меня недоступными пріятныхъ сторонъ жизни, для того, чтобы вновь вернуться къ прежнему образу жизни, при температурѣ въ 29 градусовъ холода (по термометру моего хозяина); сознаю даже мою слабость: я хотѣлъ было остаться. Но только нѣсколько мгновеній я предавался такимъ мыслямъ, и скоро во

мнѣ опять взяло верхъ убѣжденіе, что только оставаясь въ моемъ настоящемъ служебномъ положеніи и отрываясь отъ всего, что мнѣ тогда показалось милымъ, я буду въ состояніи увидѣть опять моихъ близкихъ. Сюда еще присоединилось соображеніе, явившееся послѣ разговора съ моимъ хозяиномъ, который открыто сказалъ мнѣ, что какъ только русскіе вступятъ въ городъ, чернь навѣрное жестоко расправится со всѣми военными чинами нашей арміи; безразлично какой они національности, вымещая на нихъ долго сдерживаемую свою злобу (насъ всѣхъ принимали за французовъ).

Тогда, говорилъ онъ, никто не посмѣетъ спасти тѣхъ, на долю коихъ выпало несчастье попастьъ въ ихъ руки, въ особенности, если насъ будутъ преслѣдовать казаки, а не регулярныя войска. Послѣ этого хозяинъ говорилъ о томъ періодѣ времени, когда Наполеонъ появился въ Литвѣ и въ городѣ Вильнѣ и о тѣхъ надеждахъ, которыя тогда питала вся польская нація и, особенно, населеніе Литвы; онъ говорилъ о томъ, какъ Наполеонъ, встрѣченный съ такимъ энтузіазмомъ, обманулъ поляковъ, и упомянулъ о плохой дисциплинѣ въ нашей арміи, благодаря которой страна между Нѣманомъ и Днѣпромъ превратилась въ пустыню. Очень интересно было для меня извѣстіе, что населеніе города не имѣло никакого представленія о печальномъ нашемъ положеніи и узнало объ этомъ только тогда, когда наша армія появилась у воротъ Вильны ¹⁾.

¹⁾ Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ Зейдлица въ 1 части его дневника, на 123 стран., о двухъ главныхъ ошибкахъ Наполеона, а именно: 1) что онъ окружилъ таинственнымъ мракомъ свое громкое обѣщаніе возстановить королевство Польское и 2) что продовольствованіе арміи дѣлалось исключительно по реквизиціи, и, однако, не раздѣляя взгляда Зейдлица, что назначеніе герцога Бассанскаго (Марэ) намѣстникомъ Наполеона въ Вильнѣ была его третья и важнѣйшая ошибкою. При тѣхъ обстоятельствахъ, при коихъ былъ назначенъ Марэ, никто другой, не исключая даже Даву и Евгения, не могли бы сдѣлать бодьшаго. По увѣренію всѣхъ французскихъ авторовъ, писавшихъ объ этой войнѣ, причина заключалась въ томъ, что Наполеонъ рассчитывалъ на то, что Александръ заключитъ миръ по достиженіи имъ Москвы; ошибившись въ этомъ, онъ не могъ придти ни къ какому рѣшенію въ отношеніи Польши, а затѣмъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы сознаться въ какое критическое положеніе онъ попалъ, благодаря слишкомъ продолжительной остановкѣ въ Москвѣ; вотъ — почему онъ такъ поздно сообщилъ о случившемся Виктору и Марэ. Только по достиженіи Наполеономъ Смоленска, оба они получили кое-какія свѣдѣнія о печальномъ положеніи такъ называемой Великой арміи. Оба они убѣдились въ отчаянномъ положеніи Наполеона и его арміи только по прибытіи его отъ Березины къ Вильнѣ. Могъ-ли поэтому Марэ, при условіи столь недостаточнаго къ нему довѣрія Наполеона (вслѣдствіе гордости Наполеона, не желавшаго сознаться, что онъ, подобно Карлу XII, былъ близокъ къ гибели) исправить что либо въ двухъ большихъ ошибкахъ Наполеона въ столь короткій срокъ? (Прошло лишь 5 мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ побѣдоносный Наполеонъ прошелъ черезъ Литву и Вильну, куда онъ теперь вернулся бѣглецомъ). Возможно ли было Марэ при такихъ условіяхъ привести въ порядокъ внутреннія дѣла Польши?

Насколько недостаточны были свѣдѣнія Марэ объ общемъ ходѣ дѣла, лучше всего доказывается тѣмъ, что еще 29 ноября (когда Наполеонъ уже перешелъ черезъ Березину) Марэ отдаетъ приказаніе Шварценбергу выступить противъ Чичагова, который уже успѣлъ занять Минскъ (См. Походъ саксонцевъ, стр. 98).

Ихъ обманывали различными извѣстіями о побѣдахъ; хотя они и знали объ отсушеніи Наполеона за р. Днѣпръ, но полагали, что Наполеонъ желаетъ здѣсь занять зимнія квартиры только изъ за лучшаго обезпеченія арміи продовольствіемъ. Удивленіе и ужасъ при видѣ первыхъ отступающихъ французскихъ войскъ и ихъ печальнаго положенія, которое скоро стало очевиднымъ, были такъ велики, что первая сутки никто даже и не осмѣливался объ этомъ говорить. Только послѣ того, какъ узнали, что Наполеонъ бросилъ свою армію и что русскіе скоро опять будутъ въ стѣнахъ города, это мрачное молчаніе смѣнилось чувствомъ ожесточенія и мести, особенно среди той части населенія города и Литовской провинціи, которая прежде питала надежду на возстановленіе Царства Польскаго въ прежнемъ его величіи и самостоятельности.

Около 3¹/₂ часовъ пополудни я простился съ моимъ гостеприимнымъ хозяиномъ, побуждаемый къ этому усиленною пушечною и ружейною пальбою, доносившеюся изъ окрестностей города. Отправившись тотчасъ же на главную улицу города, я встрѣтилъ большую толпу отдѣльныхъ безоружныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ 4 полка, которые говорили мнѣ, что въ предмѣстьѣ, черезъ которое они прошли для полученія провіанта, ихъ разсѣяли казаки, т. е. у нихъ не было съ собою оружія для защиты и что Вреде уже началъ отступление къ городу ¹⁾.

Моя остановка въ Вильнѣ дала мнѣ слѣдующія преимущества: я заново одѣлъ моихъ людей и получилъ кое-какой фуражъ, особенно овесъ и сѣно для моихъ лошадей. Мой любезный хозяинъ снабдилъ меня даже небольшимъ запасомъ спиртныхъ напитковъ, а также кофе, сахаромъ и солониной. Этимъ онъ желалъ выказать свою благодарность за ту защиту, которую я съ вооруженной

По моему мнѣнію, Марсъ сдѣлалъ весьма многое, ибо онъ (хотя Наполеонъ причинилъ Литвѣ только зло) въ Вильнѣ сформировалъ новые полки (изъ нихъ состоялъ гарнизонъ Минска), быстро снабдилъ всякаго рода запасами магазины между Оршею и Ковной, особенно въ Мияскѣ и Вильнѣ; наконецъ, какъ населеніе Вильны, такъ и находившіеся при немъ чины дипломатическаго корпуса ничего не узнали объ отступленіи Великой арміи, пока она сама не появилась подъ стѣнами Вильны. Все это (особенно послѣднее обстоятельство) были задачи трудныя и весьма важныя для Наполеона.

Примѣч. автора.

¹⁾ Корпусъ Вреде, доведенный до 2000 чел., расположился у Рукина въ 2-хъ часахъ отъ Вильны, для прикрытія города съ его магазинами (съ запасами на 2 мѣсяца для всей арміи) и отступающей черезъ городъ арміи Мюрата и многочисленныхъ оставшихъ. Однако, Вреде былъ атакованъ превосходными силами и оттѣсненъ къ городу, послѣ чего послѣдній успѣшно былъ очищенъ Мюратомъ 10-го, около 4 часовъ утра. Командованіе корпусомъ Вреде и дивизіи Оазова, которая хотя прибыла недавно, но насчитывала уже не болѣе 600 чел., принялъ на себя Ней, составившій съ этими войсками арьергардъ до Ковна. 4-ый полкъ, бывший въ корпусѣ Вреде, потерялъ во время отступленія и, особенно въ бою у Вильны и при разсѣиваніи его фуражировъ казаками, до ³/₄ своего состава. Съ нѣсколькими людьми оба упомянутыхъ ранѣе батальонныхъ командира дошли до Вильны; въ Торнѣ къ намъ присоединилось еще нѣсколько сотъ человекъ.

моей свитой оказалъ ему противъ покушеній многочисленныхъ мародеровъ на его домъ, удаленный отъ большой дороги. Имѣя при трехъ своихъ упряжныхъ лошадяхъ только двухъ нижнихъ чиновъ, я посадилъ верхомъ на третью моего Ивана, ввѣряя ему какъ лошадей, такъ и прочее мое имущество.

При большой давкѣ мнѣ удалось пройти черезъ ворота. Мое намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы возможно дольше продолжать идти по дорогѣ на Ковну, пока мнѣ не удастся найти хотя сносный пріютъ на ночь; я былъ радостно пораженъ, увидѣвъ въ нѣсколькихъ ста шагахъ отъ предмѣстья значительное зданіе, служащее помѣщеніемъ для склада и команды 21 французскаго линейнаго полка, который стоялъ рядомъ съ нами въ Брауншвейгѣ. Одинъ изъ офицеровъ, который узналъ меня, охотно уступилъ для меня нѣсколько комнатъ, а также очистилъ мѣсто въ конюшнѣ для моихъ лошадей.

Когда упомянутый выше полкъ лѣтомъ выступилъ отсюда къ Днѣпру, этотъ постъ былъ оставленъ въ Вильнѣ и въ вышеуказанномъ зданіи устроилъ магазинъ. Для того, чтобы всѣ эти предметы не попали въ руки къ неприятелю, они выдавались кому попало; это поставило и меня въ счастливое положеніе, такъ что я могъ совсѣмъ заново одѣть моихъ солдатъ, и, въ особенности, моего Ивана, выдавъ имъ новые штаны, башмаки и шинели за небольшое вознагражденіе утеръ-офицеру, завѣдывавшему магазиномъ.

Въ домѣ, гдѣ я остановился, я нашелъ еще нѣсколько другихъ французскихъ офицеровъ изъ другихъ полковъ, которые всѣ поносили Наполеона, отъ чего у него навѣрно „звенѣло въ ушахъ“. Они ничуть не щадили его и увѣряли, что только благодаря ненасытному его честолюбію погибла самая прекрасная армія въ мірѣ; они особенно жаловались и проклинали Наполеона за то, что онъ ихъ бросилъ. Нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ видѣли Наполеона проѣзжающимъ въ коляскѣ около полудня; онъ едва на 2 часа задержался въ Вильнѣ.

Здѣсь, въ Торнѣ, мнѣ подтвердили все то, что говорилъ мнѣ въ Вильнѣ лѣсничій, принявшій меня такъ гостепріимно, а равно и встрѣченные мною офицеры; къ сказанному можно было бы прибавить, что вѣроятно у Наполеона, дѣйствительно, было намѣреніе на нѣкоторое время удержать Вильну; однако, назначенныя для этого сохранившія порядокъ войсковыя части, придя въ соприкосновеніе съ Московскими бѣглецами, тотчасъ же исчезали безъ возврата, словно въ пропасти. Такимъ образомъ, нечего было и думать о сколько-нибудь энергичномъ сопротивленіи преслѣдующимъ русскимъ войскамъ, если они даже и состояли бы исключительно изъ казаковъ, какъ увѣряютъ здѣсь; все это и вынудило Мюрата спѣшно продолжать отступленіе.

Такъ какъ разсчитывали, что армія нѣкоторое время удержится въ Вильнѣ, то тамъ заложили очень значительные магазины съ запасами разнаго рода и съ продовольствіемъ, которые не успѣли уничтожить и которые поэтому попали въ руки русскихъ.

*

10 декабря.

Въ 4 часа утра, при яркомъ свѣтѣ луны, я опять былъ въ моей прежней компаніи по дорогѣ на Ковну. На этой довольно широкой дорогѣ, примѣрно въ 2-хъ часахъ отъ Вильны, произошла остановка передъ дефиле, длиною около часу и шириною въ одну повозку. Окаймленное довольно высокими горами, оно заканчивалось у очень крутой горы, одинаковой высоты съ тѣми, которыя лежали по его сторонамъ. Это послужило причиною тому, что здѣсь повторялись опять тѣ сцены, которыя мы пережили въ Смоленскѣ, Вильнѣ и, особенно, на Березинѣ. Экипажи, пѣшіе и конные люди, распространившіеся ранѣе по шоссе, теперь волей неволей должны были подчиниться тому порядку движенія, къ которому вынуждало ихъ дефиле.

Къ этому присоединилось еще и то, что императорскій обозъ, нагруженный отчасти деньгами, особенно-же пятифранковыми монетами, запряженный изнуренными лошадьми, не могъ преодолѣть крутой и обледенѣлой горы, почему и подвергся разграбленію, причемъ и на этотъ разъ повторялись злодѣянія, вызванныя жадностью и корыстью, въ особенности вооруженныхъ людей, обратившихъ свое оружіе противъ невооруженныхъ.

Не одинъ корыстолюбивый безумецъ погибъ подъ ударами прикладовъ и уколовъ штыкомъ еще раньше, чѣмъ онъ могъ воспользоваться желанною добычею; другіе, удостоившіеся этого счастья, настолько нагрузили себя добычею, что раньше погибали отъ тяжести отступленія; наконецъ, третьи не могли выйти изъ тѣсной толпы, грабившей деньги, а потому были настигнуты преслѣдующими казаками.

У меня не было ни малѣйшаго искушенія обогатиться подобнымъ образомъ, я тщательно осматривалъ мѣстность, изыскивая способъ найти отвѣтвленіе главной дороги, т. е. движеніе по снѣгу; который былъ здѣсь въ нѣсколько футовъ глубиною, оказалось невозможнымъ.

Такимъ образомъ, я надѣялся не только освободиться изъ тѣсной толпы, въ которую я былъ втиснутъ, но даже опередить ее.

Размышляя подобнымъ образомъ, я около 100 шаговъ впереди себя замѣтилъ слѣдъ саней (вѣроятно отъ возовъ съ дровами), который сворачивалъ влѣво отъ дороги, направляясь въ гору; вмѣстѣ съ этимъ, я замѣтилъ, что эта дорога была труднопроходимая и

крутая только на протяженіи первыхъ 50 шаговъ, послѣ чего шла до самой вершины (до которой оставалось еще шаговъ 100), становясь менѣе крутою.

Не говоря о моемъ открытіи, я приказалъ моимъ людямъ не отставать отъ меня, послѣ чего, дойдя до слѣда, я съ ними повернулъ влѣво по дорогѣ, совершенно еще не ѣзженной, какъ это видно было по снѣгу. Послѣ первыхъ 20 шаговъ я едва не былъ принужденъ отказаться отъ предпріятія, ибо мои лошади (которыхъ вели подъ узду) до брюха завязли въ снѣгу и многія изъ нихъ даже перевернулись; послѣ этого, однако, гора дѣлалась менѣе крутою, и снѣгъ не былъ такой глубокой. По прохожденіи 50-ти шаговъ, затрудненія, какъ я предсказывалъ, дѣлались меньше и, пройдя 250—300 шаговъ, я взошелъ на вершину горы, послѣ чего, повернувъ вправо, прошелъ по вершинѣ еще около $\frac{1}{4}$ часа, что оказалось вполне возможнымъ, а послѣ этого вновь свернулъ на большую дорогу. Мои усилія, съ которыми я устоялъ противъ предупрежденій слѣдовавшихъ за мною, были вознаграждены тѣмъ, что я опередилъ всѣхъ, даже шедшихъ впереди меня, ибо только очень немногіе одиночные люди и лошади дошли до горы по дорогѣ.

Въ настоящее время болѣе всего озадачиваетъ меня то обстоятельство, что до меня никому не пришла въ голову мысль воспользоваться этимъ обходнымъ путемъ; когда же я поднялся на гору, то моему примѣру послѣдовало много пѣшихъ людей.

Пока я прошелъ 50 шаговъ, за мною слышались неслестные эпитеты, въ родѣ „foi“ и „coquin“, со стороны французовъ, однако, проведя такое продолжительное время въ ихъ любезномъ обществѣ, я этому нисколько не удивлялся.

Счастливо оставивъ за собою въ часѣ разстоянія упомянутое мною препятствіе, я вышелъ небольшою дорогою (проложенною слѣдами нѣсколькихъ людей) къ деревнѣ, которая оказалась еще обитаемою; здѣсь расположились нѣсколько человекъ солдатъ Ковенскаго архіепископа, которые присоединились къ великой арміи только у Вильны, но были разбѣяны.

Отъ деревенскихъ жителей я досталъ нѣсколько яицъ и хлѣба, а также хорошую подстилку въ сараѣ, который я предпочелъ жилу строенію; такимъ образомъ, прибавляя сюда и запасы мои изъ Вильны, я могъ быть доволенъ, хотя понемногу въ этой деревнѣ собралось много разбѣянныхъ солдатъ, которые окончательно разгромили эту деревню.

Нѣсколько прибывшихъ позже французовъ сообщили мнѣ, что проходившая впереди меня черезъ дѣфиле у Поноры (такъ его здѣсь называютъ) густая толпа людей и лошадей, едва до половины достигнувъ горы, была настигнута казаками, которые, хотя и удовлетворились немногими плѣнными, но за то, оставаясь вѣрными своей системѣ, раздѣли до нага большое количество людей, ос-

тавляя ихъ затѣмъ на свободѣ. Я также не избѣжалъ бы этой участи, если бы свернулъ съ дороги влѣво.

*

11 декабря.

Такъ какъ до 10-го мнѣ удалось пройти лишь нѣсколько часовъ пути, почему я значительно отсталъ отъ старой гвардіи, то я понялъ необходимость вновь сблизиться съ нею. Поэтому, въ виду уменьшенія холода, я и мои спутники сѣли верхомъ и, проѣзжая часто рысью, прошли не менѣе 12 часовъ хода; однако, изъ за лошадей весь путь мною былъ раздѣленъ на 2 участка; послѣднее едва не сдѣлалось причиною того, что я чуть не попалъ въ руки казаковъ. Я свернулъ вправо отъ дороги, слѣдуя по небольшой дорогѣ, обсаженной изгородью, и очутился въ 100 шагахъ отъ нея на постояломъ дворѣ, гдѣ хотѣлъ пообѣдать и дать отдыхъ лошадямъ. Послѣ двухчасовой остановки я хотѣлъ продолжать свой путь; поэтому, держа мое ружье ¹⁾ подъ мышкой, я вышелъ на крыльцо, чтобы приказать подать лошадей. Въ это время, къ величайшему моему удивленію, я замѣтилъ 2-хъ бородатыхъ людей съ пиками, которые уже перешли улицу и, остановились на узкой дорогѣ, пристально осматривая домъ, гдѣ мы остановились. Нельзя было терять ни минуты, ибо, хотя казаки замѣтили, что я взялъ ружье на изготовку и цѣлился въ нихъ и, повернувъ, ускакали, но я не сомнѣвался, что они быстро вернуться сюда съ подкрѣпленіями; послѣднее мнѣніе раздѣляли со мною и мои спутники. Это соображеніе заставило насъ сѣсть на лошадей, чтобы скорѣе дойти до большой дороги, особенно потому, что лѣвѣе мы замѣтили значительный отрядъ казаковъ. Я остановился въ деревнѣ, въ которой уцѣлѣли лишь 4 дома, всѣ же остальные сгорѣли; поэтому, я удовлетворился развалинами одного дома, гдѣ возможно было дать лошадямъ нѣкоторую защиту отъ непогоды, и помѣстился самъ съ моими спутниками въ погребѣ (глубиною въ 12 ступеней)

Какъ только я и моя небольшая компанія немного поустроились тамъ, развели огонь и устоили выходъ для дыма черезъ лѣ-

¹⁾ Это ружье мнѣ подарилъ въ Москвѣ бывший мой адъютантъ, лейтенантъ фонъ Лѣффель, изъ одного хорошаго дома, охваченнаго пламенемъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими ружьями и пистолетами. Я выбралъ изъ нихъ это ружье изъ за его золотой надписи на русскомъ языкѣ: „Боярину столъному и оружейному Хитрову“. Мой толмачъ въ Москвѣ увѣрилъ меня, что это ружье, вѣроятно, одно изъ первыхъ ружей, подаренныхъ Петромъ Великимъ своимъ вельможамъ, послѣ основанія ружейнаго завода въ Тулѣ, для распространенія издѣлій этого завода. Во время перехода черезъ Березину ружье несъ тотъ солдатъ, который спустя нѣсколько дней умеръ; съ этого времени, я не расставался съ этимъ ружьемъ во время отступленія. Въ настоящее время ружье это находится въ одной значительной коллекціи ручнаго оружія, среди которой является очень интереснымъ предметомъ.

Примѣч. автора.

стницу, приче́мъ сами расположились на противоположной сторонѣ,—я услышалъ надъ нами громкій разговоръ на французскомъ языкѣ, и довольно грубые отвѣты по нѣмецки моихъ людей, оставшихся при лошадяхъ; все это вызвало у меня опасеніе, что насъ вытѣсняють изъ нашего убѣжища. Это заставило меня подняться наверхъ изъ моего подземнаго царства (гдѣ не было, кѣс частью, рѣки Леты), хотя я очень скоро успокоился, такъ какъ передо мною появился хорошо знакомый мнѣ португальскій дивизионный генералъ (маркизь Валенцскій), съ адъютантомъ и слугою. Генералъ этотъ тономъ добраго и откровеннаго товарища убѣдительно просилъ меня пріютить его. Очевидно, онъ былъ боленъ и не имѣлъ никакихъ средствъ для жизни, почему я охотно исполнилъ его просьбу.

Оправившись до нѣкоторой степени благодаря тѣмъ припасамъ, которые мы могли ему дать и убѣдившись въ томъ, что среди насъ не было ни одного француза, его довѣріе къ намъ стало больше и онъ откровенно высказалъ свое сожалѣніе, что оставилъ свою родину и народъ, принявъ начальство надъ дивизіею португальцевъ, къ чему въ то время принудили его разныя обстоятельства. Онъ особенно возмущался безцеремоннымъ обращеніемъ французовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его дивизія растаяла вслѣдствіе холода и лишеній, благодаря тому, что вездѣ, при раздѣлѣ съѣстныхъ припасовъ, имъ предпочитали французовъ. Онъ жаловался также на недостаточно товарищеское отношеніе французовъ, почему ему удавалось находить пріютъ только у бивачныхъ огней союзниковъ.

Такія же рѣчи я слышалъ и отъ итальянцевъ и голландцевъ.

*

12 декабря.

Его Превосходительство, португальскій генералъ выступилъ часомъ раньше меня, такъ какъ надѣялся, что въ Ковнѣ ожидаетъ его конецъ страданій; я добрался до этого города около 3-хъ часовъ пополудни.

При прохожденіи воротъ вновь послышались удары прикладами и штыковые уколы, поэтому я, во избѣжаніе непріятностей, остановился съ моею небольшою свитою въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ передъ воротами, а самъ пѣшкомъ добрался до воротъ, гдѣ говорилъ съ офицеромъ, начальникомъ караула. Послѣдній, какъ оказалось, состоялъ изъ солдатъ уроженцевъ княжествъ Вальдекъ и Липпе, что облегчило намъ пропускъ.

Слѣдуя и здѣсь моему всегдашнему принципу выбирать для себя ночлегомъ всегда незначительное зданіе, я занялъ сарай, при-

надлежащій стоящему въ сторонѣ зданію; здѣсь я, по обычаю и необходимости, зажегъ костеръ.

Городъ Ковна вѣроятно насчитываетъ 500—600 домовъ и расположенъ на правомъ берегу Нѣмана, который здѣсь образуетъ границу великаго герцогства Варшавскаго; такимъ образомъ, у насъ явилась надежда на слѣдующемъ переходѣ покинуть непріятельскую страну и вернуться въ земли союзнаго намъ королевства.

Въ городѣ я замѣтилъ нѣсколько красивыхъ домовъ, а также нѣсколько прямыхъ улицъ съ значительной величины базарною площадью. Городъ окруженъ нѣсколькими незначительными и плохо поддерживаемыми крѣпостными верками.

Несмотря на то, что въ городѣ расположились нѣсколько маршаловъ и старая гвардія, однако, при добываніи продовольствія, происходили возмутительные беспорядки, виновниками которыхъ были, по большей части, гвардейцы. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, продовольствіе въ гораздо большей мѣрѣ портилось и уничтожалось, чѣмъ употреблялось въ пищу (особенно вино). Нѣсколько тыс. чел., подъ командой французскаго генерала Маршана, прибыли сюда изъ Кенигсберга; среди нихъ были также и мои земляки (контингентъ княжества Липпе); они сражались влѣво отъ города съ казаками и при проходѣ черезъ ворота, ко мнѣ доносились звуки довольно оживленной ружейной перестрѣлки.

Подъ вечеръ я узналъ отъ солдатъ изъ Липпе, что они потерпѣли нѣкоторый уронъ и сражались даже съ рускою пѣхотою, а также, что нашъ знакомый, капитанъ Баркгаузенъ, будучи смертельно раненъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ страданій.

Безъ сомнѣнія, при другой обстановкѣ, смерть этого красиваго, молодого (а также и очень образованнаго) офицера заставила бы меня гораздо больше жалѣть о его безвременной кончинѣ, но чувство жалости едва проявилось теперь у меня, при мысли о гибели столькихъ близкихъ мнѣ полковыхъ товарищей.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать на солому, я поздно вечеромъ вынулъ всѣ мои вещи изъ чемодановъ, съ цѣлю упаковать ихъ въ другомъ порядкѣ. Я тогда не думалъ, что вижу ихъ въ послѣдній разъ, о чемъ ты теперь уже узнала изъ письма, написаннаго мною изъ Ширвиндта. Потеря была для меня тѣмъ болѣе чувствительною, что мнѣ посчастливилось довести всѣ эти вещи среди столькихъ опасностей до Нѣмана.

При укладываніи вещей я былъ такъ остороженъ, что положилъ важнѣйшія изъ нихъ въ небольшой выюкъ, который взялъ на лошадь; между этими вещами находились регалии полковаго знамени, которыя я до этого времени носилъ подъ рубашкою, а также и многія вещицы, которыми я хотѣлъ доставить тебѣ радость, а также и для себя оставить память о походѣ и о Москвѣ. Однако,

Провидѣніе разсудило иначе, и ты, моя милая жена, согласишься со мною въ томъ, что главное, все таки, что я живъ и здоровъ,— остальное же все вещи второстепенныя.

*

13 декабря.

Утромъ рано я стремился перейти черезъ Нѣманъ и, зная по опыту, что мнѣ вновь предстояли всѣ опасности перехода черезъ мостъ въ такъ часто описанномъ мною большомъ обществѣ (среди котораго работала шайка злодѣевъ, все болѣе практиковавшая очень распространенную ими систему грабежа), я рѣшилъ съ моею небольшою компаніею пройти вдоль берега рѣки, чтобы переправиться черезъ нее, смотря по обстоятельствамъ. Послѣ переправы я намѣревался идти черезъ Польшу, пользуясь для этого моею хорошею картою и, по возможности, выбрать такую дорогу, по которой не двигаются наши войска. Имѣя это въ виду, я вздумалъ запастись овсомъ для моихъ лошадей, такъ какъ замѣтилъ, что многіе фуражиры (какъ вооруженные, такъ и безоружные) получали въ большихъ мѣшкахъ овесъ изъ одного большого зданія, отстоящаго отъ меня въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Поэтому я направился туда съ двумя изъ моихъ людей, чтобы скорѣе получить овесъ, дѣйствуя энергично и указывая при этомъ на мой чинъ штабъ-офицера. Описанное предпріятіе, въ связи съ тѣмъ, что, вернувшись обратно, я не нашелъ моихъ лошадей на прежнемъ мѣстѣ, (не смотря на приказаніе, отданное мною лейтенанту Бикъ и моему Ивану), послужило причиною потери моего вьюка, бывшаго на моей лошади. Лейтенантъ и Иванъ хотѣли мнѣ услужить: они воспользовались удачнымъ моментомъ, когда по мосту проходили лишь немногіе люди, и, оставили на мѣстѣ, гдѣ они должны были стоять, одного унтеръ-офицера нашего полка, найденнаго ими въ городѣ. Онъ передалъ мнѣ, что я ихъ найду на другой сторонѣ рѣки. Однако, на дѣлѣ оказалось, что они поступили крайне неблагоразумно, не исполнивъ моего приказанія, ибо по серединѣ моста, несмотря на сопротивленіе, у Ивана сорвали съ лошади мой вьюкъ, а его самого сильно избили, при чемъ, ни лейтенантъ Бикъ, ни другіе два солдата, которые вели лошадей, не могли ему помочь; такимъ образомъ, они были рады, что имъ удалось спасти лошадей и оставшіеся вьюки.

Самымъ страннымъ приэтомъ было то, что и я услышалъ крики о помощи моего Ивана, не будучи въ состояніи ему помочь, ибо, какъ только я получилъ извѣстіе отъ унтеръ-офицера, я тотчасъ же направился къ берегу рѣки лѣвѣе моста и прошелъ подъ мостомъ, гдѣ услышалъ крикъ Ивана, послѣ

чего правѣ моста достигъ лѣваго берега рѣки—это былъ путь, который по его крутизнѣ и скользкости лѣваго берега рѣки былъ проходимъ исключительно для пѣшеходовъ, почему и въ дѣйствительности служилъ исключительно для передвиженія пѣшихъ людей.

На другомъ берегу я засталъ Ивана въ весьма угнетенномъ состояніи (что приписывалъ главнымъ образомъ мучившимъ его укорамъ совѣсти), почему я ему не сказалъ ни одного слова упрека, а, наоборотъ, утѣшалъ его и высказалъ ему мою радость, что онъ самъ еще остался живъ, совѣтуя ему и впредь оставаться моимъ вѣрнымъ слугою.

По прибытіи на другой берегъ, я сдѣлалъ попытку вернуть обратно свой потерянный выюкъ, главнымъ образомъ, изъ за знамени, однако, скоро мнѣ отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ тамъ я нашелъ цѣлую толпу пьяныхъ злодѣевъ всѣхъ національностей (исключая вестфальцевъ), которые здѣсь производили самыя возмутительныя безобразія: пользуясь своимъ оружіемъ, они грабили всѣхъ проходящихъ по мосту, и такъ какъ многіе оказывали сопротивление, то и на той и на другой сторонѣ оказывались убитые и раненные.

Самымъ для меня неприятнымъ было въ этотъ моментъ то, что и мой кошелекъ, гдѣ было еще нѣсколько десятковъ пистолей, пропалъ вмѣстѣ съ моимъ выюкомъ, такъ какъ я спряталъ кошелекъ туда изъ за опасенія, что онъ можетъ быть украденъ среди давки на мосту. Такъ какъ немногія деньги, бывшія при насъ, уже были израсходованы, то у всѣхъ насъ вмѣстѣ оказалось въ карманѣ не болѣе одного талера. Это обстоятельство вынудило меня сразу отказаться отъ моего первоначальнаго плана продолжать нашъ путь черезъ Польшу и слѣдовать по дорогѣ на Ширвиндтъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что на лѣвомъ берегу Нѣмана были устроены указатели дорогъ и пунктовъ ихъ сбора.

Здѣсь сошлись 3 дороги: первая на Тильзитъ, вторая черезъ Ширвиндтъ и Пилликаленъ—на Инстербургъ и третья—черезъ Сталупенень (Столупяки)—также на Инстербургъ. Для нашего 8-го корпуса была назначена вторая изъ этихъ дорогъ.

Пройдя 2 часа пути въ довольно угнетенномъ состояніи, я былъ достигнутъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ нашего полка Вернеке, который очень обрадовался случаю присоединиться къ намъ; узнавъ отъ моихъ людей о моей потерѣ, онъ предложилъ мнѣ его кошелекъ съ 9-ю талерами, изъ коихъ я безъ размысленія взялъ 6 талеровъ, въ надеждѣ, что теперь скоро кончатся наши злключенія, и принимая на себя заботу о прокормленіи и его и поблагодаривъ его за любезность крѣпкимъ рукопожатіемъ.

Послѣ пятичасоваго марша я прибылъ въ одну деревню, гдѣ расположился въ крестьянскомъ дворѣ, не обращая вниманія на

сильные протесты стоявшаго тамъ капитана французскихъ драгунъ, который особенно не хотѣлъ меня пустить въ комнату.

Къ вечеру къ нашему обществу прибавилось еще нѣсколько офицеровъ 6 вестфальскаго полка. Они говорили, что дорога черезъ Сталлупененъ въ Гумбиненъ не безопасна (такъ какъ на этой дорогѣ казаки взяли многихъ въ плѣнъ и разграбили также и императорскія повозки съ деньгами). Поэтому, офицеры эти свернули съ этой дороги на дорогу въ Ширвиндтъ; этотъ рассказъ побудилъ меня уже послѣ полуночи, при лунномъ свѣтѣ, направиться въ дальнѣйшій путь, въ обществѣ одного польскаго офицера, знавшаго также и нѣмецкій языкъ и сумѣвшаго достать намъ проводника. Но и безъ этого къ такому раннему выступленію понудила бы меня необходимость, въ виду того, что уже въ 12 час. ночи нашъ домъ пылалъ въ огнѣ, такъ какъ остальные французскіе солдаты (тренёры), несмотря на наше противодѣйствіе, развели огонь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣнъ дома и не исполнили своего обѣщанія смотрѣть за нимъ, или же, быть можетъ, нарочно зажгли домъ, изъ за того, что онъ не могъ послужить для для нихъ пріютомъ.

14 декабря.

Около полуночи я оставилъ горящую избу подъ проклятіями ея обитателей. Нашъ проводникъ повелъ меня и моихъ спутниковъ, среди которыхъ былъ и польскій офицеръ (другіе отъ 6-го полка убѣжали въ другой домъ деревни) по пѣшимъ тропамъ, черезъ нѣсколько горящихъ деревень, такъ что я черезъ три часа вновь повернулъ на дорогу въ Ширвиндтъ, слѣдуя по которой еще нѣсколько часовъ, мы остановились для обѣда въ одной деревнѣ, гдѣ расположился Виртембергскій армейскій корпусъ— нѣсколько сотъ чел., прибывшихъ къ арміи только у Вильны, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько офицеровъ и солдатъ, бывшихъ въ одинаковомъ со мною положеніи.

Найдя всѣ дома въ деревнѣ чрезмѣрно занятыми, я рѣшилъ черезъ 2 часа идти дальше, выбравъ для этого мало замѣтную и занесенную снѣгомъ тропинку, которая вывела меня на большой крестьянскій дворъ, гдѣ я нашель и отстоялъ для насъ ночлегъ въ отдѣльной комнатѣ, несмотря на прибытіе сюда еще многихъ отставшихъ; для лошадей здѣсь былъ также хорошій ночлегъ. Между отставшими было много такихъ, которые первоначально выбрали также дорогу черезъ Гумбиненъ и Пилликаленъ, но послѣ этого, опасаясь попасть въ руки казакамъ, направились по дорогѣ на Ширвиндтъ.

Казаки предпочли дорогу черезъ Пилликаленъ для нашего преслѣдованія, вѣроятно, по той причинѣ, что узнали, что по

ней двигается значительная часть обоза, среди котораго находились также и повозки съ деньгами; послѣднія, по словамъ оставшихъ, которые послѣ подтвердили мнѣ въ Торнѣ, были опять преданы всеобщему разграбленію, такъ какъ спасти ихъ не было возможности. По сообщенію очевидцевъ, это было повтореніе тѣхъ сценъ, которыя я видѣлъ близъ Вильны, въ дефиле у Понары 10 декабря. Каждый изъ отсталыхъ, а также изъ прикрытія этихъ повозокъ съ деньгами, бралъ себѣ все что только могъ взять съ собою, при чемъ и тамъ происходи грабежи и убійства; наконецъ, дерущихся настигли казаки; однако, говорятъ, что на этотъ разъ нѣкоторые изъ офицеровъ изъ войскъ мелкихъ князей рейнскаго союза сохранили себѣ деньги, потому что они все еще распоряжались прикрытіями, т. е. частями войскъ, сохранившими нѣкоторый порядокъ, а затѣмъ, конечно, они были изъ первыхъ, использовавшихъ легкую добычу, что при данныхъ обстоятельствахъ едва ли можно признать для нихъ предосудительнымъ. Среди денежнаго груза, какъ говорятъ, было также нѣсколько боченковъ съ золотомъ.

Время, проведенное мною въ пути, до достиженія нами вюртембергцевъ, на всю жизнь останется мнѣ памятнымъ, ибо до тѣхъ поръ никогда еще не ощущалъ я такой опасности наслѣдкомъ попасть въ руки казаковъ. Особенно опасна для насъ была та ночь, когда проводникъ провелъ насъ по пѣшимъ тропамъ черезъ нѣсколько горящихъ деревень, гдѣ множество людей, при страшныхъ проклятійхъ спасающихся, бѣгали по всѣмъ улицамъ; сюда еще присоединился лай собакъ и одиночные оружейные выстрѣлы. Не нужно было обладать живою фантазіею, чтобы предаваться галлюцинаціямъ, ибо каждый шумъ, а особенно отъ одиночныхъ лошадей, сорвавшихся съ коновязей, вызывалъ страхъ, что вотъ-вотъ появятся казаки. Часто я оставался на дорогѣ одинъ, такъ какъ мои спутники, во время такого шума, быстро старались прятаться за ближайшее прикрытіе, что дѣлалъ даже и сопровождавшій насъ польскій офицеръ. Каждый разъ мнѣ стоило много труда убѣдить этихъ людей продолжать путь. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мнѣ оказывало незамѣнимыя услуги мое превосходное зрѣніе, которое, насколько я замѣтилъ, не превзойдено было никѣмъ, даже и казаками. Для меня было важнѣе всего дойти до Ширвиндта, гдѣ, находясь уже въ Пруссіи, я могъ надѣяться вновь услышать родной для меня нѣмецкій языкъ.

*

15 декабря.

Пройдя 7 часовъ, я дошелъ до Ширвиндта. Не могу выразить, какъ сильно я обрадовался, когда меня встрѣтили нѣсколько оби-

тателей города и заговорили со мною по нѣмецки. Тотчасъ же я направился къ бургомистру, который распорядился объ отводѣ мнѣ квартиры у добрыхъ и образованныхъ людей и подумалъ также о размѣщеніи моихъ лошадей.

Многіе жители города забрасывали меня вопросами: „Скоро ли явятся русскіе?“ и казалось, не особенно боялись ихъ появленія. Однако, всѣ оказывали мнѣ самое искреннее участіе,

Первымъ дѣломъ я написалъ тебѣ письмо, которое, также какъ и написанное въ Торнѣ, вѣроятно получено тобою.

Здѣсь я вновь долженъ замѣтить, что два слѣдующихъ письма, въ которыхъ я въ общихъ чертахъ пишу объ отступленіи изъ Россіи и объ опубликованномъ на этотъ предметъ бюллетенѣ № 20,—были раньше отправлены домой моимъ роднымъ, чѣмъ письма отъ 23 октября по 5 декабря, такъ какъ я спѣшилъ доставить о себѣ извѣстія моимъ роднымъ и не желалъ довѣрить почтѣ значительнаго текста моихъ писемъ, которыя къ тому же во многомъ нуждались въ дополненіяхъ.

*

Ширвиндтъ, 15 декабря,

Наконецъ, я опять въ теплой комнатѣ, у добрыхъ людей въ домѣ (даже въ городѣ), гдѣ всѣ говорятъ по нѣмецки; это я считаю особымъ счастіемъ послѣ 49 дневнаго странствованія въ такой странѣ, въ такое время года и подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго; но какое счастье, что я могу сказать тебѣ, моя дорогая жена, и всѣмъ близкимъ, которые принимаютъ участіе въ моей судьбѣ: „Меня сохранило Провидѣніе!“ Я совершенно здоровъ, и у меня твердая надежда скоро опять увидѣть Васъ! Да, это дѣйствительность!

Армія наша не могла долше держаться въ Россіи, поэтому императоръ повелъ ее на спокойныя зимнія квартиры.

28 октября мы начали отступленіе изъ Можайска; съ тѣхъ поръ мы ежедневно были на маршѣ, кое когда сражались успѣшно и съ богатымъ запасомъ военнаго опыта прибыли сюда. Объ этомъ я впослѣдствіи напишу подробнѣе, когда мнѣ удастся восполнить нѣкоторыя пробѣлы въ моемъ дневникѣ.

Охотно я писалъ бы вамъ все это время, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ избавилъ бы васъ отъ многихъ излишнихъ опасеній, однако, я не могъ использовать ни одной полевой почты.

Иванъ все это время выказывалъ себя вѣрнымъ слугою. Несчастіе, которое съ нимъ случилось, лишило меня многихъ вещей, цѣнныхъ для меня, какъ память о пережитомъ ужасномъ времени; въ числѣ ихъ были также многія вещицы, предназначавшіяся тебѣ, моя дорогая жена. Послѣднее, о чемъ знаетъ также и Иванъ, сильно огорчаетъ его, хотя я его утѣшаю тѣмъ, что главнымъ все

же остается сохраненіе какъ моей, такъ и его жизни. Я говорю ему, что ты будешь къ нему гораздо добрѣе, когда узнаешь, что въ это опасное время онъ мнѣ служилъ съ рѣдкою вѣрностью.

Моего рыжаго мерина мнѣ придется вѣроятно здѣсь оставить; тяжести похода, недостатокъ фуража, бивуаки среди поля зимою и обледенѣлыя дороги, по которымъ ни одного дня нельзя идти безъ подковъ, все это совершенно изнурило его, хотя я думаю, что, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдыха, эта лошадь будетъ такая же сильная, какъ и прежде. Потеря этой лошади меня сильно огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что я ей обязанъ спасеніемъ моей жизни при переходѣ черезъ Березину. У меня еще имѣется 5 русскихъ и польскихъ лошадей, которыя хорошо идутъ неподкованныя по льду.

Отсюда почта уходитъ только черезъ 5 дней, что вынуждаетъ меня взять это письмо съ собою.

*
Истербургъ, 19 декабря.

По дорогѣ изъ Ширвиндта сюда я прошелъ черезъ небольшой городокъ Пиллекалень и ночевалъ по пути въ нѣсколькихъ деревняхъ, гдѣ я, какъ нѣмецъ, нашелъ хорошій пріемъ, тогда какъ всѣмъ военнымъ не нѣмецкой національности, которые одиночнымъ порядкомъ перешли черезъ этотъ районъ мѣстности былъ оказанъ далеко не такой хорошій пріемъ. Въ одной деревнѣ, въ которой расположились французскіе отсталые, ихъ хотѣли даже изгнать изъ одного изъ лучшихъ домовъ, къ чему уже приготовилась цѣлая толпа молодыхъ крестьянскихъ парней; однако, я воспрепятствовалъ этому тѣмъ, что самъ предпочелъ переночевать въ неважной гостинницѣ, гдѣ моя комната все время была наполнена любопытными, желавшими узнать о случившемся; они мало скрывали свою ненависть къ французамъ.

Мою рыжую лошадь я оставилъ въ этой гостинницѣ одному управляющему, который также пришелъ туда изъ любопытства. Онъ отдалъ мнѣ за нее свои деревянные сани съ двумя простыми комплектами сбруи и къ этому прибавилъ еще два луидора (золотыхъ), послѣ того, какъ я ему откровенно сознался въ своемъ безденежѣ. Однако, онъ не хотѣлъ согласиться на вознагражденіе за фуражъ въ случаѣ, если бы я нѣсколько времени спустя взялъ бы обратно мою лошадь. Съ этого времени я путешествую въ саняхъ, за которыми слѣдуютъ мои 3 лошади.

Лейтенантъ Бикъ, который желалъ добраться до Кенигсберга, отдѣлился отъ насъ. Со мною въ саняхъ ѣдутъ, кромѣ Ивана, еще тѣ два солдата, которыхъ я однажды силою заставилъ освободиться изъ критическаго ихъ положенія и которые съ тѣхъ поръ уби-

раютъ моихъ лошадей, и, кромѣ того, унтеръ-офицеръ полковой артиллеріи Вернеке, которому я обязанъ весьма многимъ.

Здѣсь я остановился у купца Вейса, брата знакомой намъ госпожи фонъ Вангеровъ изъ Гильдесгейма; это помогло тому, что я сразу сталъ знакомымъ въ домѣ, и ко мнѣ отнеслись съ большимъ довѣріемъ. Со мною въ этомъ домѣ жили знакомые тебѣ капитаны фонъ Вебернъ, Ширмеръ, фонъ Элдернгорстъ и Клейншмидтъ, 7 полка¹⁾. Впослѣдствіи къ намъ присоединился еще французскій гусарскій генералъ Кольберъ, что заставило насъ уступить ему нашу лучшую комнату (у насъ ихъ было нѣскольکو), однако, это имѣло ту выгодную сторону, что я познакомился съ этимъ генераломъ, который пользуется отличною репутаціею во всей французской арміи, какъ легкій кавалеристъ; я не могу достаточно нахвалиться его честнымъ, пріятнымъ и предупредительнымъ обращеніемъ (онъ пригласилъ насъ пообѣдать съ нимъ въ уступленной нами ему комнатѣ). Онъ безъ утайки критиковалъ неискусное командованіе Мюратомъ арміею, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ ее покинулъ. Впечатлѣніе, оставленное на мнѣ генераломъ Кольберомъ, въ качествѣ какъ военнаго, такъ и просто человѣка, останется однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Въ Инстербургѣ всѣмъ военнымъ, прибывшимъ изъ Россіи, объявили, куда имъ слѣдуетъ направиться дальше. Сборнымъ пунктомъ 8 корпуса назначенъ Торнъ, куда я направляюсь теперь кратчайшимъ путемъ.

*

Гейльсбергъ, 24 декабря.

Въ настоящее время моимъ самымъ большимъ желаніемъ является, чтобы мое письмо къ тебѣ, сданное на почту въ Инстербургъ, скоро дошло бы до тебя, милая жена, и чтобы оно успокоило тебя относительно твоего мужа, который эти послѣдніе дни главнымъ образомъ, занятъ ѣдою, питьемъ и сномъ. Слава Богу! при этихъ занятіяхъ послѣ непрерывнаго движенія во время пути я чувствую себя физически настолько хорошо, что перенесенныя мною горести кажутся мнѣ какъ будто во снѣ. Я не могу достаточно благодарить Провидѣніе, что оно надѣлило меня настолько легкомысліемъ, чтобы послѣ нѣсколькихъ хорошо проведен-

¹⁾ Фонъ Вебернъ (впослѣдствіи Королевско-Прусскій полковникъ) при прибытіи въ Торнъ былъ прикомандированъ къ начальнику генеральнаго штаба, полковнику Лажону, который получилъ порученіе соединить войска, вернувшіяся изъ Россіи съ тѣми, которыя прибыли изъ Вестфалии, а также опредѣлить потери 8 армейскаго корпуса. Ширмеръ—генераль-маіоръ Гессенской службы и назначенъ комендантомъ Ганау; фонъ-Элдернгорстъ—генераль-маіоръ Мекленбургъ-Шверинской службы; Клейншмидтъ умеръ въ чинѣ капитана Гессенской службы.

Примѣч. автора.

ныхъ дней забыть пережитое тяжелое время. Эта бодрость духа не покинула меня во все время отступленія отъ Можайска до сего мѣста и весьма часто оказывала мнѣ услуги, не давая мнѣ терять присутствіе духа. Бодрость духа, соединенная съ вѣрою въ Провидѣніе, на которое я уповалъ въ томъ, что оно не дастъ мнѣ погибнуть въ нищетѣ, укрѣпило мой разумъ и тѣмъ поддержало также и мои физическія силы. Многие, которые думали иначе, особенно если предавались бездѣятельности, погибли.

На моемъ пути сюда я проѣхалъ черезъ города Велая, Фридландъ и Бартенштейнъ. Вездѣ меня принимали хорошо. Эти послѣдніе населенные пункты, извѣстные по войнѣ 1807 года, и пострадавшіе много отъ проходившихъ черезъ нихъ войскъ и въ нынѣшнюю войну, кажутся еще довольно зажиточными, что, вѣроятно, объясняется какъ превосходною почвою, такъ и близостью Балтійскаго моря, облегчающаго имъ сбытъ ихъ произведеній. Въ Бартенштейнѣ меня любезно принялъ бывший прусскій офицеръ, большой любитель музыки; его двѣ хорошенькія и образованныя племянницы играли на гитарѣ и пѣли. Какъ это все напоминало мнѣ, дорогая жена, тѣ счастливые часы, которые я проводилъ съ тобою у насъ дома!

Какъ я ни восхищался музыкою, я охотно соглашаюсь съ тѣмъ, что искусство исполнителей было далеко отъ виртуозности; однако, долгое лишеніе такого удовольствія, особенно, въ частномъ кружкѣ и у добрыхъ людей, произвело на меня впечатлѣніе чего то высокаго. Я былъ счастливъ. И правда! еще двѣ недѣли тому назадъ я какъ дикое животное ютился въ лѣсахъ и сгорѣвшихъ деревняхъ, при скудной пищѣ; нынѣ же, я нахожусь въ уютномъ домѣ, среди образованныхъ, любезныхъ и даже музыкальныхъ людей. Такой контрастъ и безъ особо богатой фантазіи даетъ себя знать и порождаетъ чувство благодарности судьбѣ. Иногда только съ большимъ трудомъ, чувствуя какое-то опьяненіе, я начинаю свыкаться съ мыслью, что настоящее—дѣйствительность и что прошедшее не было только страшнымъ кошмаромъ.

На пути изъ Фридланда въ Бартенштейнъ, который я проѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, я сколь возможно старался составить себѣ понятіе о полѣ сраженія у Фридланда, причемъ, въ общемъ, медленно слѣдуя по этой дорогѣ, убѣдился въ неудачномъ выборѣ русской позиціи въ 1807 году.

Расположеніе на этой эффектной мѣстности для оборонительнаго боя такимъ образомъ, чтобы имѣть у себя въ тылу городокъ Фридландъ со множествомъ дефиле, образуемыхъ здѣсь рѣкою Алле, а впереди фронта лѣсъ, находящійся во власти непріятели, гдѣ онъ можетъ скрыть свои собственныя движенія и въ то же время слѣдить за непріателемъ,—это могло быть рѣшено русскимъ полко-

водцемъ только въ виду особыхъ, мнѣ неизвѣстныхъ причинъ. Если сюда еще прибавить, что противъ него находился Наполеонъ, съ привыкшею къ побѣдамъ и сильнѣйшею арміею, то станетъ яснымъ что Беннигсенъ здѣсь игралъ опасную партію. Его рѣшеніе принять здѣсь бой я не могу себѣ представить иначе, какъ стремленіе найти почетный выходъ для предоставленія Пруссіи ея несчастной участи, такъ какъ онъ могъ рассчитывать на то, что послѣ столь вѣроятнаго проигрыша сраженія, императоръ Александръ заключитъ миръ, котораго желали сенатъ и русскіе вельможи.

*

Остероде, 28 декабря.

Сюда я прибылъ третьяго дня. Я ночевалъ въ пути два раза въ селеніяхъ Гутштадтъ и Локенъ. Многочисленные озера, покрытыя льдомъ, позволяли мнѣ выбирать прямые пути; однако, погода теперь становится такая мягкая, что черезъ нѣсколько дней мнѣ придется отказаться отъ продолженія моего пути въ саняхъ до Торна. Сюда еще присоединяется то обстоятельство, что мои лошади нуждаются въ отдыхѣ, такъ какъ во время пути сильно изнурились. Это заставляетъ меня остановиться здѣсь на 2 дня. Я поселился здѣсь у богатаго еврея. Въ селеніи живутъ довольно весело. Вчерашній вечеръ я провелъ въ „Рессурсѣ“, — въ клубѣ, гдѣ ежедневно, въ уютномъ помѣщеніи, собирается мужское общество. Одинъ разъ въ недѣлю посѣщаютъ его также и дамы здѣшняго лучшаго общества. Вчера танцовали здѣсь подъ рояль до 1 часа ночи (я ушелъ домой въ 11 час.), какъ мнѣ сегодня говорилъ прусскій офицеръ, комендантъ города. Въ немъ (это былъ маіоръ прусской службы фонъ Платенъ), я нашелъ весьма пріятнаго знакомаго. Общественная жизнь города и замѣтное веселье, господствующее здѣсь, особенно интересны для меня потому, что изъ этого можно заключить, какъ мало всѣ боялись приближенія наступающихъ русскихъ ¹⁾.

Остероде извѣстенъ повсюду тѣмъ, что какъ передъ, такъ и послѣ сраженія подъ Эйлау, здѣсь была главная квартира Наполеона.

¹⁾ Уважаемый читатель простить меня за то, что я даже эти мѣста дословно переписалъ изъ моихъ оригинальныхъ писемъ; я полагалъ, что не имѣю права ихъ пропустить, такъ какъ въ нихъ рисуется тотъ духъ, который господствовалъ въ Прусскомъ королевствѣ во время моего проѣзда; съ другой стороны, отсюда видно, что страна еще не обѣдѣла настолько, чтобы отказаться отъ общественныхъ удовольствій. Многія услышанныя мною тогда какъ отъ горожанъ, такъ и отъ поселянъ смѣлыя рѣчи, выражающія ихъ надежды, которыя черезъ годъ осуществились, останутся мнѣ навсегда памятными. Я глубоко чувствовалъ тогда, что у меня, какъ вестфальскаго офицера (по моему убѣжденію, которое я никогда не скрывалъ) были связаны руки, и что я не могъ поступить по моему убѣжденію.

Примѣч. автора.

Сегодня сюда прибылъ генераль фонъ Оксъ со своимъ сыномъ. Послѣдній, лейтенантъ гвардейскихъ шеволежеровъ, былъ тяжело раненъ въ сраженіи 7 сентября. Къ счастью для него, отецъ его нашелъ въ Оршѣ, иначе онъ бы не выжилъ, такъ какъ, кромѣ раны, онъ заболѣлъ еще и нервною лихорадкою. Отецъ, который уже ничѣмъ не командовалъ, всецѣло посвятилъ себя уходу за сыномъ, котораго онъ, съ опасностью для своей жизни, счастливо провелъ сюда черезъ всѣ ужасы отступленія. Генераль одолжилъ мнѣ денегъ, въ которыхъ я сильно нуждался.

*

Торнъ, 3 января 1813 г.

Продолжая съ 29 декабря мое путешествіе въ саняхъ, я вчера прибылъ сюда. Нѣсколько часовъ спустя по выходѣ изъ Остероде, я вновь достигъ территоріи покинутого мною еще 15 декабря великаго герцогства Варшавскаго и на пути ночевалъ въ небольшихъ городахъ, Лѣбау, Неймаркъ, Штрасбургъ, и Голлунъ. Эйлауское поле сраженія осталось у меня вправо, такъ какъ я вновь взялъ напрямикъ, черезъ замерзшее озеро, отъ Остероде на Лѣбау. Путешественникъ по дорогѣ въ Торнъ ясно замѣчаетъ, что путь его пролегаетъ черезъ территорію герцогства Варшавскаго; особенно выдѣлялись проѣзжаемыя мною деревни, вездѣ видно безпорядочное польское хозяйство, хотя въ городахъ все еще замѣтно, что они нѣкоторое время принадлежали Пруссіи. Повсюду меня хорошо принимали. До Голлуна я доѣхалъ еще въ саняхъ, хотя тяжелая дорога сильно утомляла моихъ лошадей и стоила имъ немало пота, несмотря на небольшіе ежедневные переходы. Въ Голлунѣ я продалъ мои сани за 3½ талера и продолжалъ дорогу, для сбереженія лошадей, въ повозкѣ, взятой по реквизиціи.

Здѣсь, въ Торнѣ, я, къ великой моей радости, нашелъ многихъ людей, которыхъ я не считалъ болѣе въ живыхъ. Сюда теперь прибыло около 160 вестфальскихъ офицеровъ и до 500 унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Изъ нихъ не болѣе половины унтеръ-офицеровъ и солдатъ принадлежатъ къ составу 8 корпуса, другая половина состоитъ изъ людей 4 полка, участвовавшаго въ отступленіи только отъ Вильны. Между оставшимися въ живыхъ нашего полка находятся: полковникъ Бернаръ, подполковникъ Лепель, (довольно хорошо поправившійся), капитаны Пазоръ, Рисъ, фонъ Барделебенъ, Гёппингеръ, Клейншмидтъ, Лудовици и Шимельпфенгъ. Счастливо прибыли сюда также и Пазоръ 2 полка и лейтенантъ Бикъ. 1 и 8 армейскимъ и Вюртембергскому корпусамъ назначено пока собираться въ Торнъ.

Такъ какъ 29 бюллетень по арміи теперь отпечатанъ вездѣ во всѣхъ газетахъ, то я считаю, что и съ моей стороны не тре-

буется болѣе держать въ секретѣ наиболѣе крупныя военныя происшествія, о которыхъ я, какъ въ предыдущихъ, такъ и въ этомъ письмѣ упомянулъ только въ общихъ чертахъ. Голодь и холодъ, а также та ошибка, что мы позднее осенью начали плохо подготовленное отступленіе изъ Москвы черезъ Можайскъ, Смоленскъ, Оршу, Вильну и Ковну, черезъ Пруссію и Польшу, послужило къ гибели нашей арміи, испытанныя храбрость и стойкость которой заслуживали бы лучшей участи. Со времени перехода черезъ Березину у Студянки, въ 4-хъ часахъ выше Борисова, во всѣхъ армейскихъ корпусахъ сохранились лишь немногія сомкнутыя войсковыя части. Хотя русскіе и не могутъ сказать, что они остались побѣдителями, однако, изъ 500,000 бойцовъ, вступившихъ подъ начальствомъ Наполеона въ русскіе предѣлы, едва ли болѣе 30,000 вернуться въ такомъ же хорошемъ здоровьи, какъ я. Но объ этомъ подробнѣе въ моемъ слѣдующемъ письмѣ, такъ какъ въ настоящее время я занятъ заполненіемъ пропусковъ въ моемъ дневникѣ, который я всегда носилъ съ собою на груди. Пока только еще слѣдующія общія замѣчанія: что касается продовольствія, то еще дня 4 до достиженія Березины я былъ въ такомъ же положеніи, какъ и теперь, съ той только значительною разницею, что теперь преслѣдованіе непріятели прекратилось, и я нахожусь въ дружественной странѣ.

Подполковникъ фонъ Мейбомъ, произведенный теперь въ майоры, такъ любезенъ, что возьметъ съ собою это письмо до такого пункта, откуда его можно будетъ тебѣ доставить.

*
Познань, 16 января.

Мы ушли изъ Торна 8 января и перешли сюда черезъ Гнѣзно. Здѣсь мнѣ придется вернуться къ моему письму отъ 4, изъ Торна, чтобы рассказать о случившемся въ этотъ промежутокъ времени и дополнить тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ.

Изъ запасныхъ частей вестфальской арміи въ Торнь прибыла команда пополненія, силою до 1.600 чел., подъ начальствомъ полковника фонъ Гребена. Изъ нихъ, а также изъ остатковъ 8 армейскаго корпуса, были сформированы 4 баталіона пѣхоты, начальство надъ коими ввѣрено было бригадному генералу фонъ-Фюльграфу; я лично не былъ назначенъ въ эту часть, такъ какъ въ ней получили назначенія лишь самыя младшіе изъ баталіонныхъ командировъ.

Скоро послѣ моего прибытія въ Торнь, я получилъ извѣстія изъ Касселя. Судя по нимъ, король узналъ лишь въ послѣднихъ числахъ декабря о совершенномъ уничтоженіи его арміи, изъ официальныхъ донесеній Жюно и генерала Окса, хотя казалось бы, уже

послѣ выхода 29 армейскаго бюллетеня, онъ могъ догадаться о томъ, что его армія раздѣлила участь великой французской арміи (это побудило его, вѣроятно, къ высылкѣ 1600 чел.). Дабы, по возможности, исправить этотъ тяжелый неожиданный ударъ, послѣдствія котораго невозможно было предвидѣть, напрягаются теперь всѣ усилія.

До выхода нашего изъ Торна административные чиновники принесли туда всѣ деньги и документы. Послѣдовало много новыхъ производствъ и дѣлаются новыя представленія. Для этого король обратился къ генералу фонъ-Оксу, почему очень печально, что послѣдній теперь сильно заболѣлъ и долженъ былъ здѣсь остаться.

Уже послѣ своего возвращенія изъ Несвижа, былъ сформированъ новый пѣхотный полкъ двухбаталіоннаго состава (гвардейскую пѣхоту) и 2 полка шеволеферовъ; въ настоящее время производятся рекрутскіе наборы для сформированія и укомплектованія старыхъ полковъ; поэтому, мы ежедневно съ нетерпѣніемъ ждемъ приказа вернуться въ наше отечество.

Въ виду того, что въ Торнѣ и здѣсь, въ Познани, собрались генералы и офицеры отъ всѣхъ союзныхъ войскъ, причемъ, не только прошедшее, но и ближайшее будущее время представляютъ богатый матеріалъ для разговоровъ, меня весьма интересуютъ всѣ сужденія и разговоры о несчастномъ исходѣ кампаніи.

Въ общемъ, я вижу въ нихъ вновь подтвержденіе того, чему насъ учитъ исторія уже тысячи лѣтъ.

Все, что ни дѣлаетъ счастливый полководецъ — восхваляется; даже о его признанныхъ ошибкахъ говорятъ, что онъ бы ихъ не сдѣлалъ, если бы не зналъ въ точности индивидуальность своего противника; но горе хваленному полководцу, когда его покидаетъ счастье! Точь въ точь такова же нынѣ участь Наполеона. Большинство изъ разсужденій этого рода вращаются около слѣдующихъ главнѣйшихъ пунктовъ:

1) Говорятъ, что Наполеонъ, избалованный счастьемъ во всѣхъ предъидущихъ войнахъ, такъ стремительно шелъ на Москву потому, что предполагалъ здѣсь заключить такой-же выгодный миръ, какъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ;

2) Не будучи такимъ избалованнымъ, онъ долженъ былъ бы предвидѣть несчастный исходъ войны, но прежніе успѣхи ослѣпили его;

3) Александръ далъ ему возможность проникнуть во все тѣснѣе и тѣснѣе замыкающійся за нимъ мѣшокъ, для того, чтобы его затѣмъ схватить за горло;

4) Въ надеждѣ на эти успѣхи, Александръ питалъ его пустыми обѣщаніями мира до Минска и Москвы;

5) Если бы Наполеонъ больше щадилъ свои войска, не приводя ихъ въ разстройство недостаткомъ продовольствія и чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ и если бы, какъ выражаются здѣсь, не старался бы всегда и всюду „брать быка за рога“, всегда стремясь къ сраженію и ведя войска на убой, то привелъ бы въ Москву вдвое сильнѣйшую армію, что помогло бы ему добиться такого же мира, какъ и въ его предъидущихъ войнахъ и, наконецъ,

6) Доблестная и прекрасная армія должна была погибнуть при отступленіи, потому что Наполеонъ такъ же спѣшилъ при отступленіи, какъ и во время похода къ Москвѣ. Поэтому и магазины на Вислѣ, со всевозможными запасами, заложенными въ Смоленскѣ, Минскѣ и Вильнѣ, не принесли никакой пользы арміи, всецѣло попадая въ руки непріятеля.

Во время такихъ разговоровъ, однако, не бесполезно для нѣмцевъ высказать свое мнѣніе, особенно если при этомъ присутствуютъ французы, которые теперь гораздо больше считаются съ мнѣніемъ нѣмцевъ, чѣмъ прежде. Въ вышеприведенныхъ взглядахъ содержится много истины и посвященному въ эти дѣла не удивительно услышать такія мнѣнія отъ людей, которые прежде судили объ этомъ совсѣмъ иначе.

Въ официальныхъ отчетахъ по арміи прусскій генераль фонъ Йоркъ называется измѣнникомъ Наполеону и своему королю, такъ какъ, находясь подъ командою Макдональда онъ еще до Нѣмана заключилъ союзъ съ русскими подъ командою Витгенштейна, объявляя въ договорѣ войска его корпуса нейтральными. Хотя Йоркъ увѣряетъ, что только благодаря такому договору ему удалось спасти этотъ корпусъ и сохранить его въ цѣлости для своего короля, однако, французы высказываютъ, что ничто не мѣшало Йорку соединиться съ Макдональдомъ, послѣ чего послѣднему, конечно, сильно облегчилось бы отступленіе. Поэтому Макдональдъ напрасно двое сутокъ ожидалъ Йорка въ условленномъ для ихъ встрѣчи пунктѣ. Такимъ образомъ, Макдональду удалось избѣжать участи положить оружіе со всѣмъ корпусомъ только благодаря военнымъ дарованіямъ и доблести подчиненныхъ ему войскъ. При корпусѣ Макдональда находится нашъ первый пѣхотный полкъ, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Французы еще больше развиваютъ эти разсужденія, увѣряя, что, не случись измѣна Йорка, Мюратъ не оставилъ бы своей позиціи на лѣвомъ берегу Нѣмана; въ такомъ случаѣ, русскіе не посмѣли бы перейти на правый берегъ рѣки. Однако, по моему мнѣнію, достаточно одного взгляда на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что съ арміею, совершенно разбитою въ Россіи, мы едва-ли будемъ въ состояніи держаться даже и за Вислою, какъ только русскіе овладѣютъ Варшавою, куда Кутузовъ направляется теперь изъ

Вильны. Этому могли бы только воспрепятствовать новыя быстро созданныя арміи, но объ этомъ пока ничего не слышно. Впрочемъ, мнѣ сообщилъ полковникъ Бернаръ, что Шварценбергъ и Ренъе все еще стоятъ на берегу Вислы близъ Варшавы, и что Шварценбергъ будто также соблюдаетъ нейтралитетъ по отношенію къ русскимъ.

О Шварценбергѣ даютъ такіе же нелестные отзывы, какъ и о Юркѣ. По словамъ, будто бы, Даву, который боленъ и находится теперь здѣсь, Шварценбергъ, при желаніи, могъ бы воспрепятствовать движенію Чичагова отъ Буга къ Березинѣ. Какъ извѣстно, гибель арміи Наполеона, стачовившаяся все болѣе очевидно во время ея отступленія отъ Смоленска къ Нѣману, могла быть значительно задержана ¹⁾.

Только что здѣсь, въ Познани, получено извѣстіе, что Мюратъ очистилъ королевство Пруссію до Вислы и сжегъ предмѣстья Торна. Мюратъ съ главною квартирою находится въ Эльбингѣ, и корпусъ Макдональда подкрѣпилъ гарнизонъ Данцига.

Я надѣюсь, что это будетъ мое послѣднее письмо; я пошлю его, использовавъ для этого надежную оказію, если не смогу доставить лично.

*

¹⁾ Всѣ хорошо освѣдомленные офицеры говорили, что, зная заблаговременно о разбѣдненіи Чичагова и Сакена, Шварценбергъ долженъ былъ бы, соединившись съ Ренъе, наброситься на Сакена и разбить его, послѣ чего Ренъе имѣлъ достаточно силъ для привлеченія на себя Сакена. Взамѣнъ этого, Шварценбергъ обостелъ Сакена по широкой дугѣ и кружными путями и тѣмъ потерялъ много времени, почему не могъ разбить Сакена; несмотря на это, онъ уже 14 ноября прибылъ въ Слонимъ, откуда Чичаговъ ушелъ только 8 ноября; отсюда они заключаютъ, что, при продолженіи своего марша, Шварценбергъ настигъ бы его или у Минска или у Борисова, или могъ бы его заставить направиться вдоль р. Березины на г. Березино, чтобы избѣжать съ нимъ встрѣчи, такъ какъ Чичаговъ не посмѣлъ бы переправиться черезъ рѣку въ виду тѣхъ-де пона, занятаго польскими войсками, узнавъ, что по его пятамъ слѣдуетъ Шварценбергъ. Однако, Шварценбергъ предпочелъ повернуть кругомъ у Слонима, чтобы теперь (а именно 16 ноября) разбить Сакена, съ которымъ Ренъе, застигнутый имъ врасплохъ, имѣлъ невыгодный бой. Одновременно съ этимъ, высказывали свое мнѣніе, что даже послѣ перехода Чичагова у Борисова съ праваго на лѣвый берегъ Березины, дѣло могло бы принять иной оборотъ, если-бы Шварценбергъ 25 ноября появился у Стахова противъ Студянки, т. е. въ этомъ случаѣ 90.000 австрійцевъ были-бы на томъ мѣстѣ, гдѣ 28 ноября было бы достаточно имѣть 10.000 французовъ и поляковъ, чтобы совершенно разбить Чичагова. Всѣ эти разсужденія заканчивались выводомъ, что, или Шварценбергъ не обладалъ достаточнымъ военнымъ взглядомъ и рѣшимостью, или, что болѣе вѣроятно, онъ дѣйствовалъ согласно инструкцій, полученныхъ отъ своего Императора. Нельзя не упустить изъ виду, что, если Шварценбергъ могъ бы поступить такимъ образомъ, узнавъ уже 30 октября о движеніи Чичагова на Минскъ и упустилъ это по тѣмъ или инымъ причинамъ, то онъ гораздо больше содѣйствовалъ гибели Наполеона, чѣмъ Юркъ.

Только знаніе инструкціи, полученной Шварценбергомъ передъ началомъ кампаніи, могло бы привести здѣсь къ вѣрному заключенію; однако, она едвали когда нибудь будетъ опубликована.

Кассель, 8 февраля.

Прибывъ сюда вчера вечеромъ, я спѣшу написать тебѣ, что я здоровъ и скоро буду въ Детмольдѣ. Надѣюсь, ты получила мое письмо изъ Познани, посланное тебѣ черезъ господина фонъ Зирстопфа, который, при его отъѣздѣ изъ Брауншвейга, увѣрялъ меня, что онъ его тотчасъ же отправитъ.

Въ Познань прибылъ изъ Торна все еще больной генералъ фонъ-Оксъ, и подтвердилъ мнѣ, что наша армія отошла за Вислу и что предмѣстья этого города (который имѣетъ главную ограду и нѣсколько верковъ) были сожжены.

20-го Юно отдалъ свой послѣдній приказъ. 4 вновь сформированныхъ баталіона, подъ командою бригаднаго генерала фонъ-Фюльлграфа, ушли въ Кюстринъ, для усиленія его гарнизона и, согласно приказанія, полученнаго изъ Касселя, включены въ составъ 4 и 5 полковъ. Одновременно съ этимъ, прибыло приказаніе, чтобы всѣ кадры 8 армейскаго корпуса, которые вошли въ составъ этой бригады, вернулись въ предѣлы королевства и поступили въ распоряженіе военнаго министра.

Я лично получилъ разрѣшеніе ѣхать впередъ и, по моему желанію, мнѣ дали маршрутъ и проѣздные документы черезъ Берлинъ, Магдебургъ и Брауншвейгъ. Со мною ѣхали капитанъ Клейншмидтъ и фельдфебель Дриллингъ, послѣдній оказалъ мнѣ большія услуги на этапныхъ пунктахъ. Мои лошади, идущія съ Иваномъ при кадрахъ, еще не прибыли сюда.

Проѣзжая иногда въ день 3 этапа, я ѣхалъ довольно скоро, но задержался 3 дня въ Берлинѣ. Здѣсь я однажды встрѣтилъ множество французскихъ офицеровъ въ одномъ кафе, которые съ ожесточеніемъ говорили мнѣ о враждебномъ настроеніи жителей къ французамъ, которое они замѣчали во время своего возвращенія черезъ Пруссію. Между ними былъ также графъ Уденаръ (знакомый тебѣ по Брауншвейгу), который изъ полковниковъ произведенъ въ бригадные генералы. Послѣдній увѣрялъ меня, что французскіе офицеры, ѣздившіе по одиночкѣ были счастливы, если имъ удавалось избѣжать истязаній мѣстныхъ жителей. Что касается меня, то я ничего пообнаго не испытывалъ, что приписываю тому, что мои возницы (въ деревняхъ я никогда не ночевалъ до Инстербурга), вѣроятно приняли меня за прусскаго офицера; это я не считалъ нужнымъ опровергать.

Встрѣча моя съ маршаломъ Викторомъ останется пріятнымъ для меня воспоминаніемъ на всю жизнь. Я только что уютно расположился въ квартирѣ, отведенной мнѣ бургомистромъ небольшого польскаго города Бирнбаума, (на почтовой станціи), какъ около 5 час. вечера прибѣжалъ бургомистръ и объявилъ мнѣ о

прибытіи маршала, увѣряя, что не смѣетъ ему предоставить ни одной приличной квартиры, кромѣ занятой мною, за что обѣщаль мнѣ отвести другую. Само собою разумѣется, что я сразу рѣшилъ оставить квартиру и только по просьбѣ почтмейстера, нѣмца по происхожденію, который отвелъ мнѣ маленькій кабинетъ, остававшійся еще въ его распоряженіи, я рѣшилъ остаться. Послѣднее послужило поводомъ къ тому, что маршалъ по прибытіи пригласилъ меня обѣдать, разрѣшивъ явиться къ нему въ верхнемъ платьѣ; здѣсь я провелъ съ нимъ вдвоемъ не менѣе двухъ часовъ, такъ какъ при немъ былъ только одинъ адъютантъ, очень занятый работою и оставшійся въ сосѣдней комнатѣ. Я не могу нахвалиться той любезностью и предупредительностью, которую выказалъ ко мнѣ маршалъ во время бесѣды, касавшейся весьма разнообразныхъ темъ, и во время которой я иногда не сразу находилъ подходящія техническія выраженія на французскомъ языкѣ. Онъ интересовался всѣми деталями въ организаціи Вестфальскаго королевства и его арміи, участіемъ арміи въ походѣ и особенно въ отступленіи, а также, пользуется ли король любовью его подданныхъ. Изъ его устъ я узналъ впервые, что мы очищаемъ всю территорию до Одера, и что русскіе уже перешли Вислу. При этомъ, Викторъ съ большою горечью говорилъ о Мюратѣ, который самовольно покинулъ армію, передавъ командованіе Евгенію. Все это въ тотъ моментъ было для меня новостью и только въ Берлинѣ я узналъ ближайшія детали, которые мнѣ объяснили многіе намеки маршала о Мюратѣ. По мнѣнію французовъ, Мюратъ оказался столь же неблагодарнымъ, какъ неискуснымъ и неспособнымъ командовать великою арміей, особенно во время отступленія.

Въ Касселѣ, какъ и во всемъ королевствѣ, все занято новымъ комплектованіемъ полковъ; въ скоромъ времени будетъ объявлено много производствъ.

Военный министръ лично сѣздалъ мнѣ, чтобы я подалъ просьбу о четырехнедѣльномъ отпускѣ въ Детмольдъ для отдыха и для подкрѣпленія себя къ предстоящей службѣ. Въ настоящее время я иду къ нему съ этимъ заявленіемъ.

Какъ меня радуетъ мысль о свиданіи съ тобою!

Черезъ три дня послѣ отсылки этого, моего послѣдняго письма, я былъ въ Детмольдѣ, остался тамъ 4 недѣли, затѣмъ отправился въ Магдебургъ, гдѣ формировался 3 полкъ, въ который я былъ произведенъ маіоромъ. Въ теченіе 6-ти недѣль полкъ былъ совершенно заново сформированъ и въ началѣ іюля выступилъ къ Дрездену на присоединеніе къ великой арміи.

Полковникъ Бернаръ былъ произведенъ въ бригадные генералы, и мои два капитана Падоръ и Ріесъ по избранію назначены командирами баталіоновъ.

ни 6 офицеровъ моего полка получили вестфальскій и французскій ордена Почетнаго легіона.

Въ общемъ, во всей арміи было пожаловано 85 вестфальскихъ орденовъ; кромѣ тѣхъ лицъ, которые получили ордена послѣ различныхъ сраженій, сюда присоединилось еще 92 французскихъ ордена почетнаго легіона. Около 80 медалей, за заслуги, были распредѣлены между унтеръ-офицерами и солдатами.

Послѣсловіе.

Я чувствовалъ потребность издать письма, написанныя во время похода 1812 года моимъ близкимъ, еще по той причинѣ, что этимъ хотѣлъ восполнить извѣстный пробѣлъ въ исторіи, особенно въ военной исторіи Гессена, за 7 лѣтъ существованія королевства Вестфальскаго. Однако, въ моихъ письмахъ я могъ только коснуться въ общихъ чертахъ 8 корпуса, а въ частности, (что касается меня лично¹⁾)—того полка (3 вестфальскій пѣхотный), съ которымъ я участвовалъ въ походѣ. Однако, я сообщилъ самое существенное о всѣхъ вестфальскихъ полкахъ, какъ напр., о 4 и 8 пѣхотныхъ полкахъ, но ничего не сообщилъ о 1 вестфальскомъ пѣхотномъ полкѣ, который находился при 10 корпусѣ Макдональда, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ арміи—въ Курляндіи. Такъ какъ я думаю, что читателю, особенно бывшему вестфальскому офицеру, пріятно будетъ узнать то, что случилось съ полкомъ во время этого похода и, особенно, при осадѣ Данцига, то я рѣшилъ дополнить это, пользуясь безпристрастнымъ рассказомъ, помѣщеннымъ въ дневникѣ одного офицера, который любезно предоставилъ его мнѣ.

Говоря о составѣ 8 армейскаго корпуса, я уже упомянулъ о 2 бригадѣ 24-й дивизіи и сказалъ, что она не вошла въ составъ этого корпуса. Изъ 3-хъ полковъ этой бригады, 8 полкъ прибылъ только 29 октября къ Братену, а 4 полкъ—9 декабря въ Вильну, къ 8 корпусу. Первый полкъ уже въ началѣ 1811 года былъ назначенъ въ гарнизонъ Данцига; въ концѣ марта онъ выступилъ изъ своихъ гарнизоновъ въ Герфордъ и Билефельдъ и, послѣ 4-хъ недѣльнаго марша, прибылъ 30 апрѣля того же года въ Данцигъ.

Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1812 г. французскій армейскій корпусъ, подъ командою Даву, сосредоточился въ Пруссіи. Изъ его состава 1 линейный вестфальскій полкъ, подъ командою вестфальскаго генерала Данлу—Вердюнь, вошелъ во 2-ю бригаду дивизіи французскаго генерала Гранжана, которая состояла изъ трехъ пѣ-

¹⁾ Прошу не забывать читателя, что письма эти первоначально назначались исключительно для моихъ близкихъ, которые больше чѣмъ всѣми военными и политическими вопросами интересовались моею персоною.

хотныхъ бригадъ (поляковъ, барварцевъ и вестфальцевъ); къ этой дивизіи были приданы 2 французскихъ легкихъ кавалерійскихъ полка и 1 польскій уланскій полкъ, а также польская конная батарея; такимъ образомъ, въ составъ этой дивизіи вошли всѣ роды оружія.

1-го іюня дивизія дошла до р. Пассарги, а 1-й полкъ былъ посаженъ на транспортныя суда въ Фришъ-гафъ, а затѣмъ занялъ фортъ Неутифъ противъ Пиллау. Въ это время французская армія, со всѣми союзными войсками, сосредоточивалась на обоихъ берегахъ Вислы для войны съ Россією, и прежняя ея организація подверглась частичнымъ измѣненіямъ: такъ, дивизія Гранжана вошла въ составъ 10 корпуса, подъ командою Макдональда, а упомянутая выше вестфальская бригада получила назначеніе занять Кенигсбергъ и Пиллау. Последнее дало поводъ двумъ этимъ полкамъ изъяснить желаніе участвовать среди тѣхъ войскъ, которыя перейдутъ черезъ границу непріятельской территоріи. Генераль Гранжанъ доложилъ объ этомъ желаніи императору, и это имѣло слѣдствіемъ, что 1 полкъ вновь поступилъ въ эту дивизію и въ 10 корпусъ, а 8 полкъ впослѣдствіи догонялъ 8 корпусъ. Главною причиною этому послужило то, что императоръ, прибывшій въ это время въ Кенигсбергъ, произвелъ смотръ маневрированію одного баталіона вестфальцевъ, которыхъ представилъ ему нынѣшній генераль-маіоръ гессенской службы Бадеръ, въ качествѣ подполковника 1 полка. Императоръ такъ остался доволенъ этимъ баталіономъ, что пожаловалъ командиру полка, полковнику Плесману, крестъ Почетнаго легіона и сказалъ ему: „Я хочу предоставить полку случай доказать, что онъ также хорошо ведетъ себя передъ непріателемъ, какъ на ученіи“. Онъ далъ порученіе прибывшему изъ Варшавы отъ вестфальскаго короля подполковнику Бушу передать королю, что его можно поздравить, если всѣ его войска такъ хорошо обучены, какъ видѣнный императоромъ баталіонъ. ¹⁾

---

¹⁾ Этотъ баталіонъ 1 полка использовалъ то обстоятельство, что командиры вестфальскихъ баталіоновъ привыкли на маневрахъ повторять французскую команду своихъ генераловъ и командировъ полковъ, которые зачастую были французы (а затѣмъ переводили командѣ по нѣмецки); такимъ образомъ, подполковникъ Бадеръ сумѣлъ буквально повторить команды, произнесенныя Императоромъ.

Въ вестфальской гвардіи вездѣ былъ принятъ французскій командный языкъ, что, однако, не отражалось вредно на ихъ обученіи и пониженіи ими стройной команды.

Тѣ офицеры, которые вовсе не знали французскаго языка, правда, испытывали затрудненія, однако, даже французу приходится изучать командный языкъ, т. к. въ немъ нѣкоторыя слова произносятся съ совершенно инымъ удареніемъ, а часто и совсѣмъ опускаются, напр.: „Reposez vous sur vos armes (къ ногѣ)“, командуютъ: „Reposez vos armes“, etc.

Французъ, желающій красиво командовать, никогда не скажетъ: *garde-à vous!* (Смирно!) но всегда: *garde à vos!*, при чемъ послѣднее слово быстро слѣдуетъ за первымъ и произносится весьма протятно.

10 армейскій корпусъ состоялъ изъ дивизіи Гранжана (имѣвшей 7-й номеръ въ великой арміи), въ которой 13 баварскій пѣхотный и 1 вестфальскій пѣхотный полки входили въ составъ бригады подъ командою французскаго генерала Башлю и изъ королевско-прусскаго армейскаго корпуса (27 дивизіи), подъ командою генерала фонъ Граверта. 7-я дивизія состояла изъ 16-ти баталіоновъ пѣхоты, сведенныхъ въ 3 бригады, къ которымъ были приданы 2 конныя батареи; 27 дивизія—изъ 20 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 3-хъ конныхъ и 3-хъ пѣшихъ батарей; въ общемъ, обѣ дивизіи насчитывали до 27.000 бойцовъ.

Въ настоящемъ моемъ дополненіи я не задаюсь цѣлью написать подробную исторію 10 корпуса, а сообщу только вкратцѣ объ участіи въ кампаніи 1812 г. перваго вестфальскаго пѣхотнаго линейнаго полка, который не находился при 8 вестфальскомъ корпусѣ; для связности разсказа я прибавляю, что упомянутый выше армейскій корпусъ, согласно общаго плана операціи, 24 іюня достигъ Нѣмана въ составѣ великой арміи, гдѣ противъ него стояли лишь малочисленные казаки. Подполковникъ Бауеръ, съ нѣсколькими отборными ротами 1-го полка, переправившись въ лодкахъ съ лѣваго на правый берегъ рѣки Нѣмана, вытѣснилъ изъ города Георгенбурга нѣсколько сотъ казаковъ. Послѣ этого Макдональдъ продолжалъ наступленіе, т. к. получилъ донесеніе упомянутаго подполковника о томъ, что при произведенной 27 іюня по приказанію Макдональда, рекогносцировкѣ, онъ въ 5 часахъ впереди не нашелъ непріятели и узналъ отъ жителей, что непріятели отступаетъ къ рѣкѣ Аа. Послѣ нѣкотораго сопротивленія у Милау, удачнаго для пруссаковъ, русскіе покинули рѣку Аа. Слѣдовавшій за нимъ Макдональдъ послѣ этого продвинулся до Западной Двины и сталъ противъ русскихъ, отдѣленный отъ нихъ рѣкою, такъ что его корпусъ былъ растянутъ отъ Динабурга (Двинска) до Риги; главная квартира Макдональда, для прикрытія которой назначался 1-й полкъ, расположилась въ Іакобштадтѣ. Въ этой позиціи Макдональдъ оставался до середины декабря мѣсяца, и только на лѣвомъ флангѣ, вблизи Риги, гдѣ стояли прусскія войска, война велась оживленнѣе и нѣсколько успѣшно для пруссаковъ.

7-я дивизія была занята, главнымъ образомъ, снесеніемъ крѣпостныхъ верковъ Динабурга, для чего командировались по очереди

Во время смотра баталіона въ Кѣнигсбергѣ, Императоръ вдавался въ мелочи. Между прочимъ, онъ критиковалъ слишкомъ высокое взятіе на изготовку ружья, при чемъ самъ подошелъ къ шеренгѣ, чтобы поправить этотъ пріемъ, направляя одною рукою острія штыковъ нѣсколькихъ солдатъ болѣе низко, противъ своей груди, и нажимая ихъ назадъ, чтобы убѣдиться, твердо ли они стоятъ на ногахъ. Во время штыковой атаки шеренгою, ему, повидимому, доставляло большое удовольствіе, когда шеренга его молодой гвардіи подошла вплотную къ стѣнѣ караульнаго дома и только тогда онъ приказалъ скомандовать: „стой!“

цѣлые баталіоны. Кромѣ того, здѣсь произошло за все это время только нѣсколько незначительныхъ боевъ, между рекогносцировочными партіями обѣихъ сторонъ.

Заслуживаетъ вниманія, что Макдональдъ только 19 декабря оставилъ Западную Двину, хотя русскіе еще 10 декабря вступили вновь въ Вильну. Отсюда слѣдуетъ, что Макдональдъ не получалъ извѣстій, ни отъ Удино, ни отъ Виктора о томъ, что они, для спасенія великой арміи, отступающей отъ Москвы черезъ Смоленскъ къ Березинѣ, также направились къ этой рѣкѣ, и что Макдональдъ не осмѣлился отступить къ Нѣману до полученія для этого совершенно опредѣленнаго приказанія императора. Марэ, бывшій въ Вильнѣ, не могъ его извѣстить о печальномъ положеніи великой арміи, такъ какъ самъ узналъ объ этомъ только по прибытіи Наполеона въ Вильну, 6 декабря; еще 4 числа онъ сообщилъ маршалу Макдональду о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ при Березинѣ. Поэтому, единственною причиною того, что Макдональдъ не отступилъ раньше отъ Западной Двины, было упрямство Наполеона, съ которымъ онъ самъ не желалъ видѣть своего приближенія къ гибели, а тѣмъ болѣе не желалъ сознаваться въ этомъ передъ другими; поэтому Макдональдъ былъ увѣренъ въ томъ, что Наполеонъ не станетъ передъ ними держать въ тайнѣ такого важнаго событія, какимъ явилось его отступленіе изъ Россіи, тѣмъ болѣе, что этого требовали собственные интересы Наполеона. Слѣдуя этому убѣжденію, онъ считалъ всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ частнымъ путемъ и даже и отъ Юрка—злостными слухами и выдумками.

Наконецъ (это было 18 декабря) Макдональдъ получилъ изъ Вильны письмо отъ Мюрата, которое ознакомило его во всѣхъ деталяхъ съ несчастіями, постигшими великую армію и увѣдомляло его о томъ, что Мюратъ, послѣ отъѣзда императора, принялъ командованіе арміею.

Впрочемъ, на мой взглядъ мало вѣроятно, что, какъ полагаетъ Зейдлицъ, (см. его Дневникъ, стр. 234), податель этого письма, прусскій маіоръ Шенкъ, только 12 декабря ночью выѣхалъ изъ Вильны. Этотъ городъ уже утромъ 10 былъ вновь занятъ русскими, а поэтому это письмо могло быть сдано Мюратомъ упомянутому маіору не позже 9 декабря (т. к. въ этотъ день Мюратъ прибылъ сюда съ остатками французской гвардіи, а рано утромъ въ 4 часа спѣшилъ дальше, въ Ковну). Поэтому, маіоръ Шенкъ, который навѣрно не задерживался 2 дня въ этомъ городѣ, уже занятомъ русскими, былъ около 10 дней въ дорогѣ до Якобштадта, чему способствовалъ кружной путь его слѣдованія черезъ Олиту и Тильзитъ. Слѣдовавшій при маіорѣ Шенкѣ французскій офицеръ-ординарецъ, только 19 декабря прибылъ къ Макдональду; вѣроят-

но, оба они получили одинаковыя депеши, т. к. мало вѣроятно, что Мюратъ ввѣрилъ первое донесеніе о столь важныхъ событіяхъ прусскому офицеру, который (какъ видно изъ той же страницы упомянутаго дневника) случайно находился въ Вильнѣ, и только впоследствии послалъ съ этимъ извѣстіемъ французскаго офицера, который не особенно спѣшилъ съ доставкою донесенія.

Теперь Макдональдъ, не теряя времени, началъ отступление. Его задачею было достигнуть Нѣмана раньше чѣмъ Витгенштейнъ, который отъ Вильны угрожалъ его пути отступления, или же, если бы онъ опоздалъ,—отгнать Витгенштейна отъ Нѣмана.

Первое его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы сосредоточиться съ своими корпусами у Янишки и затѣмъ, по обстоятельствамъ, выбрать то, или другое рѣшеніе; однако, плохія дороги и выпавшій къ тому времени глубокій снѣгъ—заставили его отказаться отъ этого намѣренія; онъ рѣшилъ отходить 4-мя колоннами; двѣ первыя колонны (1 эшелонъ) состояли изъ дивизій Гранжана и 6 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и 2-хъ батарей пруссаковъ подъ командою генераль-лейтенанта Массенбаха; двѣ послѣднія колонны (2 эшелонъ) состоялъ изъ остальныхъ прусскихъ войскъ подъ командою Йорка, изъ коихъ 4-я была подъ командою генерала Клейста.

При 2-хъ первыхъ колоннахъ, которыя находились впереди въ одномъ переходѣ, шелъ самъ Макдональдъ; въ общемъ, направленіе движенія было выбрано черезъ Янишки, Шавли и Колтыняны; отъ послѣдняго пункта въ обоихъ эшелонахъ колонны разошлись и направились—одна черезъ Таурогенъ и Пиктунененъ, другая черезъ Позоръ, Коадьютенъ, и Рукенъ на Тильзитъ.

Вслѣдствіе того, что пруссаки не могли слѣдовать изъ за большого количества обозовъ при нихъ, особенно при колоннѣ Клейста, было причиною тому, что разстояніе между обоими эшелонами доходило до 2-хъ переходовъ, чѣмъ воспользовался ген. Дибичъ, начальникъ авангарда корпуса Витгенштейна, и бросился въ промежутокъ между обоими эшелонами, благодаря чему Макдональдъ потерялъ всякую связь съ Йоркомъ. Благодаря этому могла состояться извѣстная Таурогенская конвенція, послѣ которой удалось также и Массенбаху съ своими 2-мя колонами вновь перейти черезъ замерзшую р. Нѣманъ и соединиться съ Йоркомъ¹⁾.

¹⁾ Хотя я вполне согласенъ съ тѣмъ, что критика гораздо легче, чѣмъ искусство, но не могу не сдѣлать замѣчанія, что въ случаѣ если бы Макдональдъ имѣлъ бы иной походный порядокъ во время отступления, то Таурогенская конвенція, вѣроятно, не состоялась бы, такъ какъ изъ всего того, что Клаузевицъ объ этомъ пишетъ, ясно видно, какъ много труда стоило ему и Дибичу убѣдить Йорка и вызвать у него это рѣшеніе. Если бы напримѣръ, Макдональдъ назначилъ бы 10 армейскій корпусъ въ главныя силы, а 7 дивизію въ аван-

Во время отступления, 1-й Вестфальскій пѣхотный полкъ въ одинаковой мѣрѣ оправдалъ довѣріе своего полководца, слѣдуя до Пиктунёнена въ авангардѣ, а оттуда до Данцига въ арьергардѣ дивизіи Гранжана, подъ командою генерала Башлю (Bachelu). Вслѣдствіе болѣзненности полковника Плессмана, подполковникъ Бауеръ часто командовалъ полкомъ, который, дѣлая подъ его командою большіе переходы, какъ днемъ, такъ и ночью, выполнялъ все, что только можно ожидать отъ хорошаго арьергарда, такъ какъ противникъ, слѣдуя по пятамъ, сильно тѣснилъ его и во многихъ мѣстахъ заставилъ его развернуться для боя. Особенно у Лауцерской мельницы полкъ выдержалъ бой до наступленія темноты, послѣ чего отступилъ до Кёнигсберга, занявъ окраины и входы въ городъ, до выступленія изъ этого города дивизіи съ ея обозами, послѣ чего послѣдовалъ за нею около 12 час. ночи. Послѣдовавшіе послѣ этого арьергардные бои у Браунсберга, Лорберга, Эльбинга и Неуйтифа произошли не безъ значительныхъ потерь. У Браунсберга противъ полка впервые сражалась непріятельская пѣхота. Особенно большія потери полкъ понесъ благодаря множеству отсталыхъ, которые, не будучи въ силахъ слѣдовать за полкомъ, попали въ руки казаковъ; среди нихъ былъ даже одинъ офицеръ (лейтенантъ Гесслеръ).

14 января полкъ прибылъ въ деревню Розенбергъ, отстоящую на 3 часа отъ Данцига, откуда подполковникъ Бауеръ послалъ донесеніе въ Вестфальское военное министерство, которое, однако, вѣроятно попало въ руки къ русскимъ. Послѣ того, какъ французы, за исключеніемъ гарнизоновъ укрѣпленныхъ пунктовъ, отошли до Эльбы, а Пруссія заключила тѣсный союзъ съ Россіей, прекратились сообщенія 1 полка въ Данцигъ съ королевствомъ Вестфальскимъ. Послѣ перемирія, заключеннаго 4 іюня 1813 года между воюющими сторонами, которое, однако, было объявлено 8 дней спустя въ Данцигъ, подполковникъ Бауеръ послалъ въ Вестфальское военное министерство донесеніе о всѣхъ военныхъ событіяхъ, послѣ оставленія имъ Тильзита во время отступления. Вотъ, это донесеніе, которое я здѣсь привожу буквально, опустивъ лишь нѣкоторыя несущественныя подробности.

„Его Превосходительству Военному Министру, баталіонный командиръ Бауеръ, временно командующій 1 Вестфальскимъ пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Данцигѣ.

„Побѣды, одержанныя Его Величествомъ Императоромъ и Королемъ предоставили намъ перемиріе и возможность сноситься съ

гардъ, и если бы онъ самъ находился при Пруссакахъ, то, вѣроятно, распорядился бы убрать и уничтожить повозки, мѣшавшія движенію Прусскаго корпуса, и тогда Клейстъ не отсталъ бы отъ колонны. Заключение Йоркомъ конвенціи въ присутствіи Макдональда, потребовало бы отъ Йорка такихъ дѣйствій, на которыя онъ не рѣшился бы, судя по крайней мѣрѣ, по тому, какъ его характеризуетъ Клаузевицъ.

Примѣч. автора.

Вашимъ Превосходительствомъ, почему я почитаю своимъ долгомъ представить вамъ, черезъ возвращающагося въ главную квартиру курьера, рапортъ о состояніи 1 полка. Полковникъ Плесманъ все еще страдаетъ отъ послѣдствій старой раны.

„Въ то же время я имѣю честь повторить Вашему Превосходительству содержаніе моего рапорта, который я написалъ изъ . . . . . числа, и которое, быть можетъ, потеряно въ безпокойное здѣсь для насъ время; я попытаюсь присоединить сюда перечень событій въ полку во время всей осады.

„Выдержавъ значительное число боевъ съ легкими войсками непріятели, во время нашего труднаго отступленія къ Тильзиту черезъ Кенигсбергъ, Браунсбергъ и т. д., 14 января нашъ полкъ, составляя арьергардъ дивизіи, занялъ деревню Розенбергъ въ трехъ миляхъ отъ Данцига. Около вѣчера непріятель съ многочисленною кавалеріею и артиллеріею атаковалъ эту деревню, огнемъ его артиллеріи были зажжены дома и сараи деревни. Командуя полкомъ, мнѣ пришлось занять позицію на окраинѣ деревни. Это движеніе пришлось совершить подъ страшнымъ картечнымъ и гранатнымъ огнемъ, въ то время, когда непріятель хотѣлъ насъ отрѣзать своею кавалеріею. Несмотря на это, мы оставили горящую деревню въ полномъ порядкѣ и почти безъ потерь, тогда какъ наши стрѣлки своимъ огнемъ препятствовали подходу непріятельской кавалеріи. Всѣ усилія непріятели отбросить насъ съ нашей позиціи на высоты, расположенныя за деревнею, были отброшены хорошо направленнымъ огнемъ нашей артиллеріи вплоть до ночи, которая и прекратила бой.¹⁾

„На слѣдующій день, 17 января, продолжались только оживленныя стычки, во время коихъ русская кавалерія нѣсколько разъ атаковала нашихъ стрѣлковъ, которые каждый разъ ихъ отбивали безъ потерь.

„Его Превосходительство, графъ Раппъ, комендантъ Данцига, подъ начальство котораго мы поступили съ 14 января, изволилъ намъ засвидѣтельствовать свое полное удовлетвореніе нашими дѣйствіями въ этотъ день и продолжаетъ намъ оказывать свое довѣріе, пользуясь нами, какъ только являются болѣе важныя порученія.

„17 Января насъ смѣнили съ передовыхъ постовъ, и мы вошли въ городъ, гдѣ намъ были оказаны возможныя заботы по приведенію въ порядокъ нашей одежды и вооруженія, которыя зна-

---

¹⁾ Комендантъ Данцига, генералъ Раппъ, въ обширномъ донесеніи маршалу Бертге (см. Вестфальскій Мониторъ 1813 г. № 188) пишетъ о полкѣ слѣдующее: 1 Вестфальскій полкъ достоинъ похвалы, ибо произвелъ свое отступленіе отъ д. Розенберга въ полномъ порядкѣ и стойко удерживался на второй позиціи. Полковникъ фонъ Плесманъ представляетъ къ награждѣ баталіоннаго командира подполковника Бауера, котораго отличнo рекомендуетъ также и дивизионный генералъ Гранжанъ; 13 баварскій полкъ также дрался славно.

чительно пострадали вслѣдствіе суроваго климата и безпрестанныхъ походовъ.

„Въ Данцигѣ мы нашли четырехъ офицеровъ и около тридцати солдатъ различныхъ вестфальскихъ полковъ, которыми комендантъ усилилъ нашъ полкъ, зачисляя ихъ въ него.

„Въ теченіи января и фѣвралѣ мѣсяцевъ мы два раза занимали передовые посты въ Орѣ и участвовали въ двухъ менѣ значительныхъ вылазкахъ на Олива.

„Въ началѣ марта Его Превосходительство комендантъ вручилъ намъ важный передовой постъ въ Лангфурѣ, который я занималъ съ весьма небольшимъ числомъ людей, такъ какъ, вслѣдствіе господствовавшихъ въ Данцигѣ болѣзней и предшествующихъ дѣлъ, значительно уменьшился составъ полка.

„Вѣроятно, непріятель хотѣлъ воспользоваться весьма темною ночью съ 4 на 5 Марта, чтобы взять Данцигъ приступомъ. Благоприятствуемый темнотою, онъ около 5 час. утра застигъ врасплохъ передовой постъ, который быстро отступилъ къ намъ. Такимъ образомъ, непріятель достигъ нашей коръ-де-гардіи, когда наши солдаты, предупрежденные нѣсколькими неосторожными ружейными выстрѣлами непріятеля, выбѣжали оттуда на сборное мѣсто, для тревоги. Въ то же время русскіе открыли по насъ сильный ружейный огонь съ трехъ сторонъ; однако, сомкнувъ ряды, я отвѣтилъ имъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они пріостановились, и, воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, я ихъ атаковалъ въ штыки и отбросилъ ихъ изъ занятой ими части деревни. Тѣмъ временемъ, наступило утро и мы замѣтили, что непріятель превосходилъ насъ втрое числомъ и что его потери превосходили наши раза въ четыре; кромѣ того, они оставили въ нашихъ рукахъ значительное число плѣнныхъ. Полученное нами послѣ подкрѣпленіе заставило непріятеля отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній; наша артиллерія вела перестрѣлку съ непріятельскою и наши вольтижеры, пользуясь однимъ рвомъ впереди деревни, съ успѣхомъ отбрасывали его плѣнныхъ и конныхъ стрѣлковъ. Наконецъ, выведенные изъ терпѣнія упорствомъ непріятеля, мы атаковали его штурмовымъ шагомъ и отбросили его на прежнюю позицію. Этотъ славный для 1 полка день, стоилъ ему, однако, потери двухъ отличныхъ офицеровъ (капитана Шрайда и лейтенанта вольтижеровъ Шенвальда, которые умерли отъ ранъ ¹⁾).

¹⁾ Генералъ Раппъ въ томъ же донесеніи (см. примѣчаніе на стр. 156 и „Мониторъ“ № 190) о 1-мъ полкѣ говоритъ: 4-е число мы провели спокойно, но 5 рано утромъ въ 5 часовъ непріятель неостово атаковалъ всю мою линію со страшными криками; посты съ большимъ хладнокровіемъ отошли къ своимъ резервамъ и отсюда поддерживали дѣйствительный огонь по противнику. Сторожевыя орудія въ крѣпости указывали на общую атаку ея непріятелемъ. Тотчасъ-же я съ генераломъ Гранжаномъ отправился къ Лангфуру, отдавъ всѣмъ назначеннымъ войсковымъ частямъ нужныя приказанія для выступленія. Когда я прибылъ въ аллею у Лангфура, я услышалъ, что въ войскахъ, занявшихъ этотъ пунктъ,

„24 Марта комендантъ хотѣлъ отомстить за атаку 5 Марта, для чего приказалъ произвести внезапное нападеніе на позиціи противника со стороны Прауста, что и было выполнено съ большимъ успѣхомъ; между прочимъ, отрядъ изъ 40 чел. нашего полка, къ которому присоединилось 40 человѣкъ баварцевъ, встрѣтивъ одинъ баталіонъ русскихъ на узкой дамбѣ, бросились на нихъ въ штыки и закололи около 80 человѣкъ и взяли въ плѣнъ болѣе ста пятидесяти, не понеся никакихъ потерь.

„Такъ какъ запасы свѣжаго мяса и припасовъ значительно уменьшилось до конца апрѣля, комендантъ приказалъ сдѣлать 27 того же мѣсяца вылазку на Нерунгъ, подъ командою бригаднаго командира Башлю, честь участія въ которой принадлежала также и намъ. При нашемъ приближеніи, непріятельскіе посты оказали сопротивленіе, но наши вольтижеры съ такимъ ожесточеніемъ напали на русскую пѣхоту, что она должна была отступить даже безъ попытки защищаться и оставила въ нашихъ рукахъ около ста плѣнныхъ. Отдѣленіе кавалеріи преслѣдовало ихъ и всѣхъ, кто не могъ уйти, взяло въ плѣнъ или изрубило. Въ это же время масса нашей кавалеріи атаковала непріятельскую и отбросила ее, такъ что въ продолженіи 9 часовъ мы дошли до Пазеварка, нашего мѣста назначенія, въ 9 миляхъ отъ Данцига; здѣсь мы нашли русскій магазинъ съ фуражемъ и продовольствіемъ. Генералъ Башлю занялъ здѣсь позицію и въ продолженіи остатка дня 27, 28, 29 и 30 апрѣля мы здѣсь фуражировали и собирали значительные запасы продовольствія, а вечеромъ 30-го вновь вернулись въ городъ; непріятель и не посмѣлъ насъ беспокоить все это время.

„Русскіе, обозленные значительными потерями, много разъ причиненными имъ гарнизономъ, и получивъ въ маѣ подкрѣпленія, стали беспокоить ежедневно нашихъ фуражировъ, причемъ постоянно производили тревоги нашихъ передовыхъ постовъ, благодаря чему служба здѣсь дѣлалась крайне затруднительною.

„Желая ихъ отучить на нѣкоторое время отъ этой привычки, комендантъ приказалъ наканунѣ новаго перемирія, 9 іюня, сдѣлать вылазку частью гарнизона съ 30 орудіями. Дѣло началось оживленной канонадой въ разныхъ пунктахъ. Непріятельскія кобили маршъ для штурма. Командиръ баталіона 1 полка, Бауеръ, командовавшій полкомъ и баталіонный командиръ Кламонъ, командовавшій баталіонами 28 и 21 полковъ, сомкнули своихъ солдатъ подъ прикрытіемъ огня блокауза и, не ожидая прибытія резервовъ, ставъ во главѣ своихъ войскъ, съ ожесточеніемъ бросились на колонну изъ 3000 пьяныхъ (!) русскихъ съ 500 кавалеріи, которые уже ворвались въ улицы Лангфура, опрокинули голову непріятельской колонны, обратили ее въ бѣгство и преслѣдовали ихъ до противоположной окраины деревни Штриссъ, причиняя имъ чувствительныя потери. Этотъ бой дѣлаеть особенную честь Вестфальскому полку, бывшему въ этотъ день подъ командою подполковника Бауера (отличнаго офицера, отличавшагося уже въ Испаніи и во время отступленія 10 корпусу), а равно и двумъ французскимъ баталіонамъ.

Примѣч. автора.

лонны, значительно превосходящія наши пѣхотою и кавалеріею, должны были укрыться отъ нашего страшнаго артиллерійскаго огня. Сильныя атаки русскихъ стрѣлковъ на нашу дивизию были отбиваемы нами, въ то время, какъ наша артиллерія заставила замолчать непріятельскую. Бой продолжался до вечера.

„Давъ Вамъ, Милостивый Государь, этотъ краткій очеркъ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ до сего времени принялъ участіе 1 полкъ, во время осады, почти все время находясь подъ моею командою, я осмѣливаюсь доложить, что все это время полкъ велъ себя наилучшимъ образомъ, что офицеры и солдаты выказывали при этомъ храбрость и хладнокровіе, свойственныя только войскамъ, опытнымъ въ бояхъ. Несмотря на потери, понесенныя нами, и тяжести лишеній, неизбѣжныхъ во время пяти мѣсяцевъ осады, наши солдаты всегда исполняли свой долгъ и сохранили вполнѣ воинскій духъ. Мы льстимъ себя надеждою, что заслужили похвалу, какъ начальника дивизіи Гранжана, такъ и генерала Башлю и что приобрѣли уваженіе и довѣріе другихъ полковъ.

„Я считаю себя счастливымъ, что именемъ Императора приобрѣлъ званіе кавалера Почетнаго Легіона, и мнѣ предоставили право представить къ этому еще 6 офицеровъ полка.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе глубокаго уваженія.

Данцигъ, 12 іюня 1813 г.

24 августа союзники прервали перемиріе (Австрія также объявила войну) съ Наполеономъ. Герцогъ Александръ Виртембергскій, принявшій командованіе надъ арміею изъ русскихъ и пруссаковъ, тотчасъ же превратилъ блокаду Данцига въ осаду. Полкъ сохранилъ и теперь свою добрую славу, такъ какъ генераль Раппъ продолжалъ его считать въ числѣ отборныхъ войскъ гарнизона. Полковникъ Бауеръ пользовался его величайшимъ довѣріемъ, такъ какъ еще отличился нѣсколько разъ, такъ что по окончаніи войны, по его представленію, получилъ офицерскій крестъ Почетнаго легіона, къ которому былъ уже раньше представленъ.

Изъ многочисленныхъ дѣлъ, въ которыхъ отличился 1 полкъ и особенно подполковникъ Бауэръ, во время осады, я отмѣчу только одно, заимствуя его описаніе изъ сочиненія одного очевидца (прускаго королевскаго совѣтника Илюлате) и вышедшаго въ Данцигъ въ 1817 году; въ этомъ описаніи авторомъ сообщается выдержка изъ дневника подполковника Бауэра, полученная отъ этого послѣдняго.¹⁾

¹⁾ Это дѣло описывается также въ одномъ французскомъ сочиненіи: „*Rélation de la défense de Danzick en 1813*“ (Воспоминанія объ осадѣ Данцига въ 1813 г.)

„2 сентября, послѣ смѣны полковъ, въ 4 часа пополудни, на деревни Штриссъ и Лангфуръ нападеніе производилось съ такимъ превосходствомъ силъ, что гарнизонъ этихъ деревень, состоящій изъ баварцевъ и вестфальцевъ, долженъ былъ отступить въ принадлежавшіе имъ блокгаузы.

„Въ это время я съ нѣсколькими офицерами былъ на окраинѣ д. Штриссъ, дабы убѣдиться въ правильности донесенія унтеръ-офицера изъ Штрисса, гласившаго, что впереди Нейшотланда появилась русская кавалерія. Съ большими усилиями мнѣ удалось добраться до блокгаузовъ, куда я прибылъ почти одновременно съ русскими ¹⁾.

„Я прибѣжалъ въ блокгаузъ, стоящій лѣвѣе, гдѣ командовалъ капитанъ баварской службы Фарбекъ. Едва мы успѣли забаррикадировать двери, какъ русскіе появились у палиссадовъ, пытаясь сломать и перелѣзть черезъ нихъ. Никогда я не видалъ войскъ, сражавшихся съ большею храбростью и упорствомъ. Потери ихъ были большія и увеличивались каждую минуту, такъ какъ мы черезъ бойницы могли достать ихъ даже штыками, почему ни одна пуля не миновала цѣли. Не смотря на это, они пытались штурмовать палиссадъ черезъ трупы своихъ товарищей.

„Между тѣмъ, гарнизонъ Данцига сдѣлалъ вылазку. Одинъ неаполитанскій полкъ также проникъ до блокгаузовъ; мы сдѣлали вылазку и сообща вытѣснили русскихъ изъ деревни, однако, прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями мы снова были отрѣзаны отъ крѣпости и отброшены въ блокгаузы. Непріятель взялъ многихъ въ плѣнъ, особенно неаполитанцевъ, которые слишкомъ зарвались впередъ и не могли присоединиться къ полку. Вновь прибывшіе русскіе опять пытались завладѣть палиссадами, но были отброшены съ значительными потерями. Перекрестный огонь изъ этихъ двухъ домовъ причинилъ противнику значительныя потери; вся улица была заполнена убитыми и ранеными, а особенно пространство около палиссадовъ. Такимъ образомъ, день прошелъ въ постоянной перестрѣлкѣ и наступилъ вечеръ, давшій нѣкоторое спокойствіе. Мои люди такъ быстро стрѣляли, что не могли заряжать ружей безъ охлажденія ихъ. Гарнизонъ крѣпости еще разъ произвелъ вылазку, но снова былъ отрѣсненъ русскими и, такимъ образомъ, у насъ отняли всякую надежду на вырчку.

„Такъ какъ русскіе убѣдились, наконецъ, въ томъ, что имъ нельзя завладѣть домами открытою силою, то они зажгли сосѣдніе дома и, такимъ образомъ, сожгли большую часть деревни Лангфуръ.

---

¹⁾ Эти блокгаузы представляли собою дачи Данцигскихъ обывателей, расположенныя другъ противъ друга на сѣверной окраинѣ д. Лангфура, были окружены палиссадами и посредствомъ заколачиванія оконъ досками выполняли (правда весьма неудовлетворительно) назначеніе блокгаузовъ.

Къ счастью для насъ, вѣтеръ дулъ отъ насъ и, только благодаря нашему внимательному наблюденію, мы спаслись отъ сожженія. У каждаго окна и на чердакѣ мы поставили солдатъ, которые тесаками отскребывали загорѣвшіяся доски; только такимъ образомъ мы спасли домъ, уже загорѣвшійся во многихъ мѣстахъ. Жара въ домѣ, благодаря пожару сосѣднихъ домовъ, была такая сильная, что мнѣ пришлось приказать вынести запасные патроны изъ комнатъ въ корридоръ. Нѣсколько разъ непріятельскіе отдѣльные люди подходили для бросанія смоляныхъ вѣнковъ, но смѣлость эта стоила имъ жизни.

„Остальную часть ночи мы провели относительно спокойно, и мои люди могли немного отдохнуть, хотя сильно страдали отъ жары и отъ жажды. У меня было нѣсколько раненыхъ, Доски, которыми были забиты окна, оказались такими тонкими, что почти всѣ пули ихъ пробивали насквозь. Днемъ, во время напраснаго ожиданія нами выручки изъ крѣпости, наше положеніе сдѣлалось еще ужаснѣе, такъ какъ насъ обстрѣливала артиллерія.

„Сначала эта участь постигла лежащій противъ насъ домъ; послѣ того, какъ нѣсколько ядеръ пробили насквозь этотъ домъ лейтенантъ фонъ Теттенборнъ вестфальскаго полка выслалъ горниста, чтобы предложить сдачу. Послѣдняя была принята при условіи, что ружья будутъ оставлены въ домѣ; но едва они безъ оружія вышли изъ дома, какъ по нимъ со всѣхъ сторонъ открыли огонь. Часть гарнизона побѣжала къ крѣпости и, спаслась такимъ образомъ,—остальныхъ, или убили, или взяли въ плѣнъ. Лейтенантъ фонъ Теттенборнъ и Отто и вице-фельдфебель Штейлеръ, взятые въ плѣнъ, подверглись истязаніямъ.

„Все это происходило на нашихъ глазахъ, и мы не могли оказать ни малѣйшей помощи; едва это кончилось, какъ и насъ стали обстрѣливать. Семь пушечныхъ и три гаубичныхъ ядра, прорѣзавъ нашъ домъ, произвели страшное разрушеніе въ густо занятыхъ нами комнатахъ. Я былъ въ верхнемъ этажѣ, а капитанъ Фарбекъ въ нижнемъ. Вдругъ прибѣжалъ сержантъ моихъ вольтижеръ и доложилъ мнѣ, что уже отъ перваго гаубичнаго ядра нашъ домъ загорѣлся и вся крыша въ пламени. Убѣдившись въ вѣрности этого донесенія, я уговорился съ капитаномъ, что нужно пытаться пробиться къ крѣпости, не видя другого средства спасенія.

„Однако, спасеніе было крайне затруднительно. Двери въ палисадѣ были столь узки, что въ нихъ могъ пройти только одинъ человѣкъ; множество убитыхъ передъ домомъ также препятствовало нашему выходу. Намъ пришлось пройти около 600 шаговъ до одного укрѣпленія, занятаго также баварцами и вестфальцами. Но едва мы вышли изъ дому, какъ насъ стали обстрѣливать со всѣхъ сторонъ. Русскіе драгуны, спрятанные за домами, моменталь-

но бросились на насъ и часть изрубили, а другую взяли въ плѣнъ, хотя плѣнные тотчасъ же разбѣжались. Гарнизонъ укрѣпленія и артиллерія на валахъ предполагали, что русскіе производятъ штурмъ укрѣпленій, открыли огонь, поражая и насъ и непріятеля; наконецъ, одинъ гренадеръ моего полка узналъ меня и обратилъ на это вниманіе капитана Штирнберга, который послѣ этого приказалъ прекратить огонь изъ укрѣпленія. Такимъ образомъ, я счастливо прибылъ къ укрѣпленію послѣ обстрѣла, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ, не получивъ ни одной раны, но совершенно изнуренный и обезсилѣвшій. Эти два дня стоили полку 4-хъ плѣнныхъ и 3-хъ раненыхъ офицеровъ и 76-ти унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, частью раненыхъ, частью плѣнныхъ. Я принесъ съ собою еще 6 раненыхъ. Самымъ страшнымъ для меня моментомъ былъ тотъ, когда мнѣ пришлось оставить нашихъ вѣрныхъ раненыхъ въ горящемъ домѣ.

Причина тому, что генералъ Раппъ совершенно предоставилъ насъ своей участи, была та, что дивизіонный генералъ Гранжанъ донесъ ему, что оба блокгауза сгорѣли и что ихъ гарнизонъ истребленъ русскими. Всѣ думали, что во время общаго пожара сгорѣли также и эти дома, а высланный изъ крѣпости развѣздъ принялъ убитыхъ русскихъ около домовъ за вестфальцевъ и баварцевъ, такъ какъ у нихъ были такія же шинели, какъ и у насъ.

Чтобы хоть сколько-нибудь исправить эту ошибку, комендантъ приказалъ всѣхъ моихъ раненыхъ баварцевъ и вестфальцевъ прислать ему въ его домъ и приказалъ устроить для нихъ садовый домъ свой, находившійся за домомъ губернатора, гдѣ имъ была оказана возможная врачебная помощь, и оставилъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, покуда они не могли поступить вновь въ свои роты.

Онъ нѣсколько разъ увѣрялъ меня, чтобы я смотрѣлъ на это, какъ на небольшое доказательство того, какъ охотно онъ желалъ исправить ошибку, происшедшую не по его винѣ. Всѣ здоровые и уцѣлѣвшіе люди изъ состава гарнизоновъ двухъ блокгаузовъ были приглашены нѣсколько разъ къ обѣду, какъ комендантомъ, такъ и нѣкоторыми другими начальниками.

Послѣ капитуляціи, подписанной 29 декабря 1813 года, крѣпость Данцигъ была передана русскимъ и пруссакамъ. Французская часть гарнизона была переведена военно-плѣнными въ ближайшія русскія губерніи, а не французскія войска получили разрѣшеніе вернуться на свою родину, дабы возможно скорѣе посту-

пить въ союзную армію, дѣйствовавшую противъ Франціи. Капитуляція, заключенная 4-мя недѣлями раньше и согласно коей французскій гарнизонъ положилъ оружіе на глассисѣ крѣпости, долженъ былъ перейти во Францію въ качествѣ военно-плѣнныхъ, съ обязательствомъ не служить въ войскахъ въ теченіи года,—не была утверждена союзными державами.

Съ нѣмецкаго перевелъ Генер. Штаба Капитанъ *Т. Карлсонъ*.

К о н е ц ъ .

2007112957